

дарья
макарова

ПЕТЕРБУРГ КАК ПРЕДЧУВСТВИЕ

шестнадцать месяцев
романа с городом

МАЛЕНЬКАЯ ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Дарья Макарова

**Петербург как предчувствие.
Шестнадцать месяцев романа
с городом. Маленькая история
большого приключения**

«Центрполиграф»

2013

Макарова Д.

Петербург как предчувствие. Шестнадцать месяцев романа с городом. Маленькая история большого приключения / Д. Макарова — «Центрполиграф», 2013

В любви к Петербургу можно признаться по-разному: стихами, музыкой, созданием визуальных образов. Обращаясь к таким произведениям, человек, равнодушный к городу, безошибочно угадывает в их авторе своего единомышленника и, более того, брата по крови. И совершенно не важно, где живут эти люди, каковы их возраст или гендерная принадлежность. Книга Даши Макаровой и есть такое признание. Искреннее, радостное, иногда щемящее. Только по-настоящему любящий город человек может назвать петербургское низкое, серое небо уютным. Вдумайтесь, не гнетущим, не унылым, а уютным! Авторское ощущение города свежо, молодо, порой неожиданно и всегда интересно. Приехав в город своей мечты на шестнадцать месяцев, она сумела прожить их настолько насыщенно, что остается только поражаться и завидовать, как многое можно успеть и узнать, если просто захотеть этого. И как общение с городом обогащает! Книга написана очень непринужденно и свободно. Ее хочется читать, и с ней жалко расставаться. Вместе с автором ты снова идешь по любимым местам, узнаешь каждую деталь и удивляешься, что на нее можно посмотреть совсем непривычным для тебя образом. Люди, которые ощущают город как нечто родное, бесконечно дорогое, читая эту книгу, получают истинное удовольствие, как от встречи с добрым и умным человеком. Не отказывайте себе в этом.

© Макарова Д., 2013
© Центрполиграф, 2013

Содержание

Предисловие	7
Март	8
«Это уже Европа!..»	9
«Боже, царя храни!»	17
Про эклеры и книги	19
Апрель	21
Литературный Петербург	22
Эрмитажный кот	24
Сладкая жизнь	29
Первая любовь	32
Работа не волк, но...	34
Май	39
Майское солнце	40
Харакири в Северной столице	41
Обед из огуречника	43
Театр начинается не с вешалки	45
Италия в кармане	48
Мокрые курицы на Невском	50
Июнь	55
Дама с собачкой	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Даша Макарова
Петербург как предчувствие. Шестнадцать
месяцев романа с городом. Маленькая
история большого приключения

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Предисловие

Петербург – город, в котором сбываются мечты. Он наполнен образами и мифами детства: из книг, фильмов, музыкальных композиций. Помню, родители, когда я была маленькая, любили слушать Розенбаума, его «Налетела грусть...». А папа говорил, что я обязательно полюблю этот особенный, ни с чем не сравнимый город.

И я полюбила его... Приехала, как обычный турист, и пропала. Невозможно любить город, как живого человека, но с Питером получилось исключение из правил. Я мечтала о нем и видела во сне.

Я любила Петербург до восторга, рвущего нервы. До дикого сожаления о том, что у меня мало времени, чтобы напитаться красотой и прелестью, историей и культурой Города. «Фу, – говорили петербуржцы, – да некогда нам смотреть по сторонам, кому нужна она, эта красота». А я им страшно завидовала и негодовала на их равнодушие. Я рвалась сюда в очередной свой законный отпуск на работе, но тормозила и уезжала на южное море. Невозможно любить город, словно человека. Невозможно мечтать лишь об этом.

И однажды мой муж Руслан сказал мне: «А давай махнем в Питер! – Помолчал и добавил: – Жить...»

Ощущения, когда сбывается твоя заветная мечта, непередаваемы. У меня сначала случился ступор. Потом я начала мямлить о том, как же мы там устроимся и все такое. Я ничего не говорила родителям и друзьям. На работе молчала, как партизан. Должно быть, боялась спугнуть. Но это было счастьем: само по себе ощущение предвкушения Питера... Как же я соскучилась по нему! По Питеру и предвкушению. Я даже пыталась оттянуть блаженное состояние, говоря Руслану, давай, мол, поедem в мае... Там будут белые ночи и лето, лето впереди! Он смотрел на хмурое уральское зимнее небо и возражал: «Зачем ждать?»

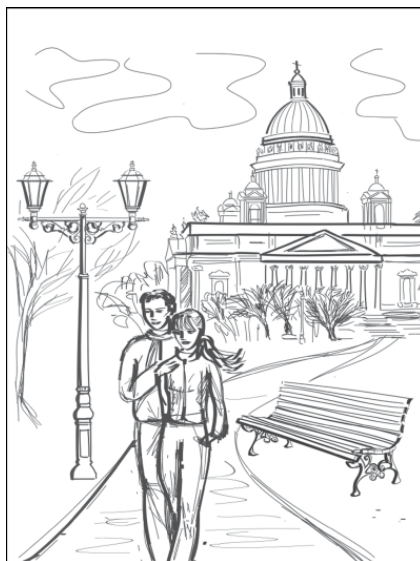
В марте мы уволились со своих работ, сложили нехитрые пожитки, засунули за пояс накопленную денежную кубышку (на первое время) и, как птицы, сорвались на север...

Когда вышли из самолета и глотнули свежий влажный воздух, поняли: ВОТ ОНО. Началось. Я смотрела на весеннее хмурое питерское теперь небо, казавшееся низким и таким уютным... У меня дрожали руки, и я была счастлива.

Забегая вперед, скажу: мы прожили в Питере достаточно, чтобы Город изменил нас и наше мировоззрение, и потому я бесконечно благодарна ему. Он дал нам столько, сколько нам и не снилось. Он подарил нам себя и новый взгляд на мир. Возможно, эта книга – всего лишь робкая попытка отблагодарить, дань признательности и поклонения.

Петербург навсегда останется в наших сердцах. Я по-прежнему люблю его, словно человека. И скучаю.

Март

«Это уже Европа!..»

Март – месяц на Урале вполне еще зимний. А Петербург встречает нас легким свежим ветерком и приятной температурой окружающей среды. Аэропорт внешне смахивает на теплотехнику начала века – такая махина с дымовыми трубами. Вещей мы с собой взяли вроде бы немного, но все же они есть: огромный неподъемный чемодан и куча разнокалиберных котомок мучают нас всю дорогу. Навьюченные, аки ослики, мы выползаем из «парохода» и обзираем окрестности в поисках подходящего и желателно недорогого транспорта. Действительность радует: несколько автобусов и маршрутных такси с крупными буквами «МЕТРО» на лобовом стекле. Словно на Эверест, взбираемся в первый попавшийся автобус. Да, денек нам предстоит нелегкий: сколько там еще на пути возвышенностей и препятствий? Быстро чиркаю маме эсэм-эску о том, что мы прибыли и все О'К. Автобус трогается, гип-гип ура, жди нас, Город!

Аэропорт остается позади, впереди – ровная трасса. Природный ландшафт почему-то непривычен: совершенно другой рельеф и деревья не такие... Более приземистые, что ли. Небо – низкое и оттого уютное, словно накрывает все вокруг светло-серым колпаком.

По обочине дороги – сплошь торговые сети и центры, «ИКЕИ» и «АШАНЫ». Как мы потом узнали, торгово-офисная тематика, новые метры (и километры!) площадей ни в коем случае не строятся в черте города. На окраину, за город все! Правильно, ведь исторический центр Питера, его культурное наследие находится под охраной ЮНЕСКО.

Кстати, до сих пор не утихают разговоры по поводу сооружения нашим «национальным достоянием» Газпромом нового шикарного офиса, остроумно названного в народе «газоскребом». Теперь уже не на Охте, а в Лахте, на берегу Финского залива. Но и там башня высотой почти 500 метров будет заметна на фоне Петропавловской крепости и других уникальных памятников Северной столицы. Жалко панораму невских берегов... А что делать? *C'est la vie!*

Автобус доезжает до площади Победы, на которой высится стела, украшенная скульптурами воинов-победителей, а там и до станции метро «Московская» рукой подать. В подземный переход метро мы спускаемся с треском и кряхтением, зато провожаемые сочувственными взглядами. Первый балл в пользу жителей культурной столицы! На исторической родине в такой ситуации мы бы столкнулись с реакцией в духе «смотрю на тебя, как солдат на вошь» или «как баран на новые ворота». А здесь перед нами придерживают двери и предлагают помощь! Очень приятно. Такие милые люди.

Перед турникетами мы притормаживаем, не зная, как протаранить багаж за ограждение. На помощь приходит мужчина в форме, стоящий возле кабинки у крайнего турникета. Он словно слегка козыряет нам фуражкой и поясняет, что для человекоединицы вполне подходит металлический жетон, а вот для неодушевленного предмета – багажа – требуется уже пластиковый жетончик. Итого, три: два – нам, третий – багажу. Поняли, ребятки? Мы дружно киваем и тащимся к кассе.

Какое же глубокое в Питере метро! Говорят, одно из самых глубоких в мире. Эскалатор уходит вниз и теряется где-то там, конца ему не видно. Люди читают, слушают музыку и переговариваются. Некоторые сбегают по ступеням, но их немного. Грозный женский голос, доносящийся снизу, настоятельно просит «уважаемых пассажиров» «не бегать по эскалатору». Все чинно, благородно. Возникает ощущение, что даже ступени эскалатора при движении поспевают за поручнем, что обычно совсем наоборот. Мне это все ужасно нравится: в родном городе я редко пользовалась метро в связи с малым количеством тамошних станций. А здесь метро – основной вид транспорта, позволяющий перемещаться по всему городу.

Подземный зал представляет собой широкое длинное помещение с дверьми с обеих сторон. Мы некоторое время соображаем и выверяем маршрут, так как на опознавательных табличках, торчащих строго по центру, указаны лишь начальные и конечные пункты линий. Нако-

нец находим подробное описание каждой ветки на углублениях у дверей и остаемся у первой же двери справа. Наша цель – станция «Черная речка», та самая, где состоялась дуэль Пушкина и Дантеса. Правда, я читала, что Черных речек в Петербурге на тот момент было несколько, поди разбери, она – не она... «Черная речка» на той же ветке, что и «Московская» – «синей», поэтому пересаживаться внутри метро не придется. В нашем «котомочном» положении – большой жирный плюс.

Поезд приходит, и двери открываются. «Как в лифте», – киваем мы друг другу. Позже выясняется, что станции такого закрытого типа действительно называются «горизонтальными лифтами», и в СССР они строились только в бывшем Ленинграде, нынешнем Санкт-Петербурге.

В вагоне на каждой остановке звучит красивый левитановский тембр, объявляющий станции. Мы мыкаемся с нашими чемоданами в углу, не забывая о предупреждающей надписи «do not lean on door» – «не прислоняться к двери», когда поезд находится в пути. Я закрываю глаза и слушаю бархатный голос, кажется, проникающий в самую душу.

Комментарий Руслана

Транспорт действительно радует – никаких аэроэкспрессов, зато куча автобусов со стоимостью проезда в 30-50 рублей. Несколько минут на удивление ровной дороги, и мы в подземной кровеносной системе города. Эскалатор спускается минуты три – действительно, можно успеть и почитать, и поговорить, и новости послушать, что, в принципе, многие и делают. Сориентироваться с ходу тяжело – на табличках указаны не все станции, а только конечные, почему – непонятно, в московском метрополитене, например, хоть станций и больше, а место для надписей каждой остановки нашлось. Ну да ладно, зато здесь немного народу (относительно столицы), и есть возможность не торопясь изучить карту.

На выходе из метро глаз радует изящное здание бледно-розового цвета в готическом стиле. Дача княгини Салтыковой, как выяснилось позже; здесь же снималась одна из серий отечественного фильма про Шерлока Холмса и доктора Ватсона. (Ватсона, кстати, в этом доме преступник стукнул по голове, помните?)

О съеме квартиры на Торжковской улице мы договорились заранее, еще на родине. Место примечательно тем, что в доме расположена библиотека, а напротив – крытый рынок (все это мы узрели по Интернету на Яндекс.Картах). От метро до заветной точки назначения, судя по путеводителю, недалеко. Однако мы с котомками преодолеваем этот путь часа за полтора: оставливаемся через каждые пять сантиметров, догоняем и перегоняем друг друга – в целом, выглядим, как Ахиллес и черепаха.

Вокруг нас типичная российская жизнь: каша из снега, грязь, гололед и унылые здания советской постройки. Правда, куча магазинов и даже «Макдональдс» через дорогу. В Екатеринбурге, например, на весь город всего три таких заведения, а здесь, похоже, с ними проблем нет.

Комментарий Руслана

Да, я бы охарактеризовал так: март на Урале – месяц вполне еще/уже (это на Ваш вкус) грязный. Северная столица лоском в этом плане не порадовала: анекдот про три русские погоды – грязь замерзла, грязь размякла, грязь засохла – актуален как никогда. После выхода из метро пейзажи радуют – старая архитектура вполне сносно соседствует с новой, а рядом расположены мини-парки, мостики и вымощенная плиткой площадь, которая, к слову, хоть и красива, а вот чемодан по ней катится ужасно, да и каблучки, наверное, не очень передвигаются (хотя тут я, пожалуй, отбираю

Дашин хлеб, пусть сама описывает тяготы женской жизни). Добирались долго, ругался всю дорогу, периодически даже вслух, а периодически вслух и громко...

Одной из более-менее приятных остановок нашего пути становится мост через пресловутую Черную речку. Там мы бросаем чемоданы в снег и опираемся на поручень, чтобы наглядеться на диво дивное: стаю жирных откормленных уток. Такого количества (и качества!) птицы нигде, кроме зоопарка, ранее не видели. Утки прочно обосновались под мостом (возможно, даже свили там свои утиные гнезда). По толщине они напоминают поросят, и это наводит на подозрения: возле моста находится незатейливое кафе «Причал», откуда доносится не так чтобы сильно манящий, но все-таки запах мяса. Уж не утиного ли? Сразу представляется, как некий злой дядька-сторож из этого кафе днем заботливо подкармливает пернатых, а ночью, пока все спят, достает большой карабин, и «пиф-паф, ой-ой-ой, умирает утка мой».

Комментарий Руслана

По пути действительно видели пернатые шарики – по воспоминаниям из диснеевских комиксов решили, что это местные утки, наверное, вкусные – по крайней мере именно такие мысли крутились в моей голодной голове.

Любые мытарства когда-нибудь заканчиваются, и наши не исключение: вот мы и стоим у нужного дома. Подъезды здесь называются красивым и старомодным словом «парадные», что удивительно: я думала, такие слова исчезли из обихода Северной столицы еще после революции. Мы с трудом дотаскиваем сумки до квартиры, кидаем их на пороге нашего нового жилища и осматриваемся. Квартира неплохая, полностью оборудована, с ремонтом и мебелью. С облегчением вздыхаем, моем руки, с удовольствием констатируя, что вода, текущая из-под крана, гораздо чище и без противного запаха по сравнению с тем кошмаром, которым мы умывались на нашей незабвенной родине. Падаем на первый попавшийся диван (в квартире их два) и вырубаемся.

Проснувшись через час, подсакиваем и собираемся на улицу: надо как минимум купить «местную» сим-карту для сотового и позвонить родителям, а еще закупить продукты. Симки покупаем эмтэсовские, так как оператор предлагает вменяемый тариф для связи с другим регионом. Потирая натруженные руки, плюем на покупку продуктов и снова ныряем в метро. Мы же в Питере! Пора наконец окунуться в этот город, почувствовать его магию и волшебство! Волнение течет через край, ведь впереди нас ждет, конечно же, Невский проспект – Мекка для туристов и гостей города.

Проезжаем две остановки метро и на третьей станции «Невский проспект» (о, волшебные слова!) трепетно выходим.

Неверным было бы утверждение, что Петербург – это лишь Невский проспект, но то, что Невский проспект есть Петербург, думаю, не вызовет сомнений у того, кто хотя бы раз бывал здесь. Невский – сердце города, центр пульсации его жизни.

«Это уже Европа!» – говорит довольный Руслан, пока мы с восхищением и удовольствием разглядываем столь милую сердцу картину: стройные ряды домов, широкий проспект, яркие магазины и интересную публику. Простор, легкая суета, малочисленные (пока!) туристы и чистые тротуары. Последнее особенно греет душу: согласитесь, российские реалии приучили нас к повсеместной грязи на дорогах зимой и весной. А здесь ощущение, что даже от асфальта веет теплом и зимы не бывает никогда. Она просто забыла заглянуть в это волшебное место.

Центр Петербурга так же разительно отличается от окраины, как и сама окраина от Нижнего Тагила, например.

Перенос из уральской действительности в аэропорт Питера, осуществленный в три часа, плюс переброска из аэропорта на Невский всего лишь за час (если поторопиться)... Итого –

четыре часа, и ты совершенно в другом мире, мало похожем на остальную, привычную тебе жизнь.

Мы разглядываем одну из ярких уличных витрин и наше отражение в ней заодно. «Разреши представиться, – мысленно обращаюсь я к Питеру, – ты нас, конечно, не помнишь, и это логично, не можешь же ты помнить каждого встречного-поперечного туриста, посещающего тебя. Итак, я – в красном пуховике, со светлой челкой и пухлыми щеками, и видишь, какой счастливой улыбкой? Меня Даша зовут. А рядом со мной, высокий, светловолосый, с синим шарфиком поверх джемпера, – это Руслан. Тоже счастливо улыбается. Просим нас обоих ласково принять и не обижать». Мимо нас течет толпа людей, вряд ли догадывающихся о моих мыслях.

Туристы в этой толпе вносят приятное разнообразие и колорит, и особенно это касается, конечно же, иностранцев. Их обычно видно издали: по неброской скромной одежде, дорогим очкам и белозубым улыбкам. Чаще всего это пожилые люди, но и молодежь встречается. У мужчин частенько на шее стильно повязанный шарф. Женщины в брюках или джинсах. Ходят как минимум парами или стайками до пяти человек.

Комментарий Руслана

Да, жизнь на Невском бьет ключом – туристы вносят легкий шарм в суету города. Хотя суета, конечно, не совсем подходящее слово – здесь вообще никто никуда не спешит, редкость для современного мегаполиса. Радует отсутствие пафоса, какого-то натянутого глянца – все просто, изысканно и со вкусом. В общем, гулять приятно, людей с пивом, а также особо невменяемых товарищей не замечено. Итак, 11 баллов из 10 за местный менталитет.

А мы сворачиваем от Гостиного двора направо, к заснеженному Екатерининскому скверу и любуемся памятником Екатерине II (царственной блуднице!). Необыкновенная женщина, про нее столько написано книг и снято фильмов. Некий феномен! Кстати, мой родной дядя, чернобровый и черноглазый красавец, будучи ленинградским (лет двадцать назад) студентом, снялся в массовке в фильме «Екатерина молодая». Фильм производства Великобритании-США-Канады-СССР, с Ванессой Редгрейв и Джулией Ормонд в ролях. Пригласили дядю так: шел себе по улице, подошли, посулили денег – и дело в шляпе. Так что его голову в напудренном парике можно лицезреть в сцене пиршества, когда по сюжету Петр III в пылу ссоры выплескивает в лицо Екатерине бокал вина.

Переходим дорогу и осматриваем одно из самых красивых здесь зданий, богато декорированное скульптурой, с большими витражами, – бывший магазин купцов Елисеевых, одновременно Театр комедии. Купцов пока не наблюдаем, они куда-то подевались. Зато театр манит и красочными афишами приглашает заглянуть внутрь. Здесь же симпатичный фонтан: ступени, на которых крутится шар. Видимо, по причине прохладной пока погоды шарик не шевелится.

Пересекаем перекресток Невского проспекта и Садовой улицы по подземному переходу и двигаемся мимо книжного магазина с большими витринами и гордым названием «Парк культуры и чтения „Буквоед“». Надо будет позже обязательно сюда заглянуть, ведь книги для меня – это все. Если существуют на свете книжные шопоголики, то я первая в их рядах, и нет в моем понимании высшего наслаждения, чем бродить мимо стоек с новенькими книгами, вдыхать их запах, читать аннотации, а потом выбирать – самую-самую на данный момент. Приносишь потом избранницу домой и долго любишь, и листаешь, и предвкушаешь грядущее удовольствие от чтения, перед тем как взять и проглотить ее. В перерыве между этими действиями еще разок заглянешь в книжный, разживешься еще книжечкой, а потом еще... Ах, этот процесс бесконечен, прекрасен и обожаем мною!

Конечно, в наш век техники и прогресса все больший вес приобретают электронные книги, но нет, на мой взгляд, большего наслаждения, чем читать бумажное изделие: когда ты видишь размер книги, щупаешь листы, рассматриваешь картинки, если таковые имеются. Пристраиваешь потом книгу на книжной полке и поглядываешь на нее с удовольствием, аки на сокровище из пещеры Аладдина.

Комментарий Руслана

Ну, процесс шопинга, даже книжного, по времени, конечно, очень растянут, так что проходим мимо «Буквоеда». Неподалеку располагается магазин с надписью Zenit – это местный футбольный клуб, обладатель кучи регалий и кубков. Атрибутики хватает – от шариковых ручек до памперсов с эмблемой питерской команды.

Далее на нашем пути встречаются кондитерская «Север» (это уже интересно!) и театральная касса. В последнюю мы заглядываем и слегка обалдеваем от разнообразия афиш и буклетов. Сразу возникает приятная уверенность, что Питер – город театров, и это замечательно! Театр мы samozабвенно любим, особенно уважаем оперу, так что развернуться есть где.

Выходим и любуемся на армянскую церковь нежного бело-голубого колера в классическом стиле. Вскоре переходим пересечение с Михайловской улицей, упирающейся в площадь Искусств: там виднеется горделивая фигура поэта всех времен и народов А.С. Пушкина на фоне классического фасада Русского музея. От важности и красоты момента даже слезы наворачиваются на глаза, и я останавливаюсь как вкопанная прямо посреди проезжей части. Руслан с перепуга хватается за рукав и тащит на тротуар.

Далее видим католический храм в форме креста с большим куполом. Петр I, приглашая в Россию иноземных мастеров, очень уважительно и терпимо относился к их вероисповеданию, поэтому в городе находится множество церквей, мечети и синага: представлены почти все религиозные конфессии. Перед католическим храмом расположилась своеобразная «площадь искусств»: художники всех мастей (и кистей) представляют свои работы немногочисленным туристам. Здесь же обретаются шаржисты и портретисты. На полотнах – роскошные виды Петербурга, леса, балерины, лошади, коты, Белла из «Сумерек» и Джонни Депп в роли Джека Воробья. Рисовать я тоже люблю, даже училась в детстве в художественной школе, так что с интересом рассматриваю всех этих птичек и собачек.

Комментарий Руслана

Местные красоты, правда, впечатляют – и пейзажи, и архитектура, и памятники. Город, видно, с самого основания пропитан свободомыслием: когда на участке площадью 100 на 100 метров уместятся несколько церквей различных конфессий, это, конечно, радует. И неизвестное, наверное, 300 с лишним лет назад слово «толерантность» здесь в почете. Сочетание современных арт-объектов и классической старины очень гармоничное, даже плаксивые недовампиры не раздражают.

Мы чувствуем, что зрительное восприятие начинает потихоньку притупляться, и вспоминаем, что пищей недуховной насытились в последний раз еще в самолете. Пора заморить червячка. Заходим в первое же попавшееся едальное заведение, представленное сетью итальянских кафе «Il Patio». Неровные стены из известняка увиты искусственным виноградом, народу прилично, похоже, в самом разгаре пресловутый бизнес-ланч. Официант провожает нас в тихое местечко, и мы разглядываем меню. От голода и жадности заказываем и пасту, и пиццу, а потом долго-долго смакуем. Политая острым оливковым маслом сочная пицца перемещается из тарелок в наши благодарные желудки. Паста тоже хороша, и мы даже немного урчим от удовольствия...

Итальянская кухня – вкусная, яркая, напоенная красками, относительно простая в приготовлении. Скажите мне, ну кто из наших мам в незабвенные прошедшие времена не делал дома пиццы? Конечно, это не то, что в Италии: и тесто, и начинка совершенно другие, и оливковое масло нигде в блюде не присутствовало, но какая разница? Зато быстро и вкусно. Мы сейчас более подкованны, смотрим кулинарные передачи, читаем книги и оливковое масло употребляем, ощущая вкусовую разницу, но и ту простенькую пиццу, что стряпала мама, вспоминаем с удовольствием.

Недавно я сама на кухне пасту освоила, что оказалось проще простого. Начала с рецепта пасты типа «карбонары», заменив в блюде фарш на обычную ветчину.

Рецепт: обжариваем в разогретой сковороде мелко порубленные чеснок и помидоры, добавляем нарезанную ветчину, отваренные макароны и натертый сыр (любой, в принципе). Снимаем с огня и накрываем крышкой, чтобы сыр расплавился. Вот, в общем-то, и все.

Мама модернизировала и этот рецепт: ветчины и сыра не добавляет, делает только с чесноком и помидорами. Тоже вкусно.

В ресторанном туалете, где я привожу себя в порядок после гастрономических удовольствий, местное «туалетное» радио проводит экскурс в итальянский язык, повторяя слова на итальянском и переводя их на русский. Итальянский воистину прекрасен! Язык Данте и Петрарки... Он певучий, музыкальный, и при произношении слов во рту словно перекатываются шарики. Хочется закрыться в туалетной кабинке и остаться наедине с итальянским до самого вечера. Хочется повторять необычные слова и мечтать о поездке в Италию. Хочется... Но сейчас мы в Питере. Сытые, пузатые, обогретые, готовые продолжить путь.

Комментарий Руслана

Еда – основа основ и начало начал. Ну или как-то так. До Данте, конечно, не дотягивает, но суть отражает примерно правильно. Итальянская еда в итальянском антураже, включая туалетные языковые уроки, – супер. Несмотря на то что эта ресторанная сеть вроде как федеральная, ни московские, ни региональные филиалы по уровню даже рядом не стоят. Теперь можно и в книжных магазинах отдохнуть...

Мы некоторое время стоим на мостике через канал Грибоедова, любимся Спасом на Крови, Казанским собором и Домом книги (домом Зингера). Дом книги, как и магазин Елисейских, выделяется своей роскошной архитектурой в стиле «модерн»: красивая скульптура, украшающая фасады; глобус, венчающий башню здания. Огромные окна уютно светятся, словно приглашая зайти внутрь. Как я уже говорила, обожаю книжные магазины, но этот – совсем особенный. Он такая же достопримечательность Петербурга, как и сам Невский проспект. В зале первые стеллажи посвящены Петербургу и Эрмитажу. А на втором этаже можно посидеть и выпить кофе в кафе с шикарным видом на Казанский собор в громадных окнах-витринах. Зрелище величественное и потрясающее!

Забегая вперед, отмечу, что сейчас в доме Зингера помимо книжного магазина находится офис социальной сети «ВКонтакте». Яркий пример того, как современные технологии начинают соседствовать с историческими достопримечательностями. Мало того, начинают жить прямо в них!

У меня лично уже переизбыток впечатлений. Разве я смогу заснуть в эту ночь? Город, о котором я мечтала долгие часы и дни, вокруг меня, рядом, я могу потрогать фасад каждого здания, перила каждого моста и даже тротуарную плитку, одну за другой. Я могу вдыхать влажный воздух и поеживаться от ветра на набережных рек и каналов. Смотреть на низкое петербургское небо. И самое главное, я могу не торопиться, потому что впереди у меня много времени. Много, возможно, целая жизнь...

Мы покидаем магазин и переходим дорогу: Казанский собор своей грандиозной колоннадой, обращенной к Невскому проспекту, словно распаивает для тебя свои объятия. Проходя рядом с колоннами, получаешь стойкое ощущение, что ты где-то в Италии. И недаром: существует легенда, что храм выстроили походям на собор Святого Петра в Риме, царь наш российский так пожелал. Внутри, как это бывает в намоленном месте, благолепно: горят свечи, под гигантским потолком мелькают неясные блики, пахнет воском и ладаном, батюшка нараспев ведет службу. Кстати, у Казанского собора есть свое собственное сердце, а точнее, сердце великого полководца Михаила Илларионовича Кутузова, похороненного под сводами собора.

Умиrotворенные, мы покидаем храм и двигаемся в сторону Дворцовой площади, по пути проходя мостик через замерзшую пока реку Мойку. На берегу реки – роскошное розовое здание в классическом стиле, на крыше развеваются международные флаги, и Руслан устраивает мне экзамен на знание вексиллологии (для информации: учение о флагах). Я экзамен позорно проваливаю, но обогащаюсь знаниями о том, как выглядят флаги Германии, Франции, Италии, Великобритании, Испании, США. Попутно вспоминаю и российский флаг.

Комментарий Руслана

Да, впечатлений действительно много. Казанский собор оставляет ощущения благородной старины, речки в центре города создают антураж курорта, а развешанные по всему городу флаги разных государств (посольства, представительства и пр.) ПОДчеркивают европейскую близость. Хотя мусор в этих самых речках и граффити рядом с храмом ее ПЕРЕчеркивают.

Вскоре мы проходим знаменитую арку, и я восторженно изображаю что-то вроде антраша при виде Зимнего дворца. Зимний дворец – это для всех в первую очередь, конечно же, Эрмитаж. В детстве я мечтала посетить два музея в нашей стране: Третьяковскую галерею в Москве и Эрмитаж в Санкт-Петербурге. Всемирно известный музей мы тоже откладываем на потом, просто стоим некоторое время на Дворцовой площади, о России думаем (место располагает), любуемся Александровской колонной.

Рассказываю Руслану случайно услышанную где-то историю: после смерти В.И. Ленина, когда Петроград уже стал Ленинградом, у некоторых партийных руководителей в 1924-1925 годах возникла идея увековечить память вождя, соорудив в колыбели революции грандиозный памятник. В качестве постамента была выбрана... Александровская колонна. Предполагалось заменить стоящего на колонне ангела фигурой лидера мирового пролетариата. После долгих дебатов и переговоров ангела все же оставили в покое. И слава Богу.

Вскоре сворачиваем к Исаакиевскому собору, величественно возвышающемуся над домами. Он очень красив, и если даже вблизи кажется излишне доминирующим, то издали украшает собой любую панораму Петербурга, являясь негласным символом города, изображенным на открытках, календарях, блокнотах и прочих магнитиках. Рядом покоится заснеженный Александровский сад, тихий, уютный, украшенный фонтаном и стоящими по кругу бюстами великих российских деятелей: писателей Гоголя и Лермонтова, композитора Глинки и дипломата Горчакова. Немного поодаль расположены бюст поэта Жуковского и памятник путешественнику и исследователю Пржевальскому под охраной его «лошади», то есть верблюда.

Обходим Исаакиевский собор кругом. Я рассказываю Руслану о том, что колонны, украшающие фасады собора, никак не закреплены и держатся за счет собственной тяжести.

Выходим на Английскую набережную, чтобы полюбоваться Медным всадником. «Люблю тебя, Петра творенье...» – торжественно декламирую я. Всадник стоит себе, обросший легендами, ежедневно разглядываемый и фотографируемый туристами, и тоже весь из себя символ и знак Города. Кстати, «медным» его назвал в свое время Пушкин, немного присочинив, ведь выполнен памятник из бронзы. Одна из легенд повествует, будто поэт как-то услышал исто-

рию о том, что в Отечественную войну 1812 года «всадника» решили было эвакуировать из города, однако некоему чиновнику стал сниться сон: Петр оживает, съезжает с пьедестала и направляется во дворец к тогдашнему императору Александру I, где и объявляет ему, что пока он, Петр, находится на месте, вражьей ноги не будет в городе. Якобы эта легенда и вдохновила Пушкина на создание поэмы «Медный всадник».

Разглядываем широкую, величественную Неву, закованную в лед, и противоположный берег: Кунсткамеру, Ростральные колонны, Петропавловскую крепость. От красоты вида дух захватывает: этот простор, ветер, яростно задувающий в лицо, быстро плывущие облака навевают мысли о тех временах, когда здесь, на этом берегу, стоял царь и думал о своем Парадизе, только начинающем жить. Он стоял и смотрел на ту же реку, то же небо и ту же землю. А теперь здесь стоим мы...

На сегодня впечатлений, пожалуй, хватит. Обратившись до метро мы возвращаемся тем же маршрутом по Невскому проспекту. Вновь жадно разглядываем чудесные, такие разные, но одинаково прекрасные дома, над постройкой которых ломали головы величайшие архитекторы предыдущих эпох. Улица, в которую вложена душа... Город, в который вложено сердце...

Снова метро и дорога до нашего нового дома. Прибыв на место, заглядываем в продуктовый магазин, находящийся прямо в доме, берем яйца и колбасу. Дома готовим нехитрый ужин, празднуя первый день в Питере. Из окна видны многоэтажки и огни, доносится шум проезжающих машин. Шум теперь уже обыкновенного, большого города.

Комментарий Руслана

Исторический центр Петербурга – шикарное место для прогулок. Сады, парки, памятники, Дворцовая площадь – все радует. За пределами центра начинается относительно обычный мегаполис с высотками (обычные стекляшки растут как грибы после радиоактивного дождя). Конкуренция кафе, баров и продуктовых магазинов здесь, видимо, высокая, поэтому цены весьма демократичные.

«Боже, царя храни!»

Спим преступно долго. Мы в Питере, однако отяжелевшие организмы наши и не думают вставать с дивана и совершать какие-то активные действия. Наконец, наскоро пообедав, мы заглядываем на рынок напротив дома.

Там, как на обычном южном базаре: горы красивых и ароматных фруктов и овощей, мясо, специи, сыры, сухофрукты. В рыбном отделе в аквариуме плавают живые рыбы, которых потом поймают, разделают и выложат на лед на радость взыскательному покупателю. Это кажется диковинкой, ведь у нас на родине свежей рыбы отродясь не бывает, только замороженная. Оно и понятно, удаленность морей и рек делает свое черное дело. А здесь на льду красивое разнообразие: шикарные осетры, форели, карпы... Замороженную рыбу покупать в Питере не принято, только охлажденную и желательно свежего улова.

Но мы в итоге разживаемся кусочком мяса к ужину (рыбу пока не рискуем взять!), возвращаемся в квартиру, прячем продукт в холодильник и спускаемся вниз. Там, на двери парадной, замечаем объявление о том, что компания «Билайн» предоставляет в этом доме услуги по подключению проводного Интернета. А нам Интернет, как и любым современным людям, нужен позарез, так что переписываем себе телефонный номер и спешим дальше.

Комментарий Руслана

Пицца рыбная нужна, пицца рыбная важна... Однако требуется и информационно-рабочая подпитка, то есть Интернет. Но Питер и тут порадовал – четвертое поколение сетей 4G, называемое здесь Yota, позволяет выходить в Сеть из любого подвала. Причем, в отличие от ситуации Москвы и 3G, это не обещания для галочки. Все работает, хотя и весьма недешево: с такими ценами на YouTube не посидишь...

Двигаемся к метро. Путь наш сегодня лежит к Петропавловской крепости.

Именно с этого места началась история Петербурга. Здесь, на крохотном островке, который в старину называли Заячьим, была заложена оборонительная крепость. С этого дня город отсчитывает свою уже более чем трехсотлетнюю историю. Много это или мало? Трудно ответить. По насыщенности событиями история эта оказалась столь богатой, что может соперничать с историями российских городов куда более старинных.

Станция метро «Горьковская» – ближайшая к крепости – внешне напоминает летающую тарелку. Помните фильм «Питер FM», где главная героиня встречалась с героем в «переходе на „Горьковской“»? Место это расположено через дорогу. Недалеко высится памятник Максиму Горькому: здесь, на Кронверкском проспекте, писатель жил и работал. Рядом берет свое начало красивый Каменноостровский проспект, построенный в лучших традициях петербургского зодчества. Александровский парк (не путать с Александровским садом у Дворцовой площади!) летом, должно быть, просто чудесен: извилистые дорожки, крохотные мостики, канавки, статуи всевозможных «девушек с веслом». Сейчас парк заснежен, и сквозь безлистную крону деревьев просвечивают минареты: по левую сторону, через дорогу, находится мусульманская мечеть лазурного цвета (повторю – воистину толерантно относились в этом городе к другим религиям!).

В Петропавловской крепости я ранее не бывала, самое время познать что-то совершенно новое. Мы проходим деревянный Иоанновский мост, попутно останавливаясь возле «Зайчика». Маленькая скульптура ушастого «сидит» на одной из свай, привлекая внимание туристов. Следуя традиции, начатой знаменитым «Чижиком-пыжиком», я бросаю в «Зайчика» монеты и, как водится, промазываю.

Крепость являет собой целый город с пронумерованными домами и конкретными названиями улиц. Здания из красного кирпича недавно отреставрированы и выглядят как новенькие. Кругом реклама различных выставок и экспозиций: «Ужасы Петербурга», выставка орудий пыток и, как ни странно, «Тайна драконов». Можно также осмотреть тюрьму в Трубецком бастионе или Печатню, где печатают на манер XVII века; подняться по деревянным мосткам по крыше крепостной стены от Государева до Нарышкина бастиона, чтобы совершить прогулочный маршрут «Невская панорама». В полдень по традиции здесь ежедневно производится выстрел из пушки.

По причине того, что уже поздно, часов семь вечера, да и на улице не май месяц, в крепости безлюдно. Мы изучаем гротескный памятник Петру I работы скульптора Шемякина и остаемся в недоумении: скульптор изобразил царя с крохотной головой и огромными ногами. Как я прочла позже, Шемякин объяснил, что придерживался в своей работе пропорций русской иконы, на которой у апостолов обычно крошечная голова и длинное тело (признак величия духа). Странно, вроде бы святым Петра можно назвать с очень большой натяжкой: русский царь был безжалостен, скор на расправу, невоздержан в возлияниях, а еще любил женщин (хотя, возможно, для царя это и не является недостатком?).

Обходим Петропавловский собор, с колокольни которого раздается чарующий перезвон карильона, наигрывающего «Боже, царя храни». Таких инструментов в России всего четыре (два в Питере, один в Петергофе и еще один вообще в Карелии). Карильон, установленный в Петропавловской крепости, состоит из пятидесяти одного колокола и является подарком правительства Фландрии. Звучит он просто божественно... Ощущение, словно на это место и на нас заодно снизошла сейчас какая-то особенная благодать, неподвластная времени.

Время... Оно имеет здесь привычку останавливаться и замирать. От этого возникает ощущение нереальности происходящего, словно погружаешься в другую историю. Историю Города. Людей, живших здесь сто, двести, триста лет назад. Или свою собственную историю, но написанную совершенно иначе.

Собор с включенной вечерней подсветкой словно залит золотом и на фоне темного неба и плавно падающего снега просто великолепен.

Под аркой Невских ворот мы рассматриваем доски с отметками самых сильных петербургских наводнений прежних времен. Эх, непросто жили тогда с учетом природных стихий, сдерживать которые еще не умели. Самым страшным, судя по уровню поднятия воды, было наводнение 1824 года, которому А.С. Пушкин посвятил все того же «Медного всадника». Исторический и литературный Петербург пересекаются много и часто...

Вид с Невских ворот открывается просто чудесный: Нева, закованная снегом и льдом, и светящийся, переливающийся огнями город на противоположной стороне. Мы дружно решаем, что вот он, центр Петербурга, и нет ничего прекрасней его.

Вскоре мы покидаем Петропавловскую крепость, обдуваемую ветром с Невы и припорошенную свежеснеженным снегом. Остаток вечера я нахожусь под впечатлением от увиденного. Мое воображение поражено, а память услужливо подсовывает чудесные картинки.

Комментарий Руслана

Крепость являет собой город в городе: пейзажи и стандартный набор «архитектура – памятники» расхваливать не буду, а вот то, что старые здания приспособили под различные музеи и выставочные сооружения – это приятно. Бывший бастион теперь аттракцион в стиле пыточной камеры, Невская куртина теперь смотровая площадка, а поле рядом с крепостью превратилось в вертолетную площадку. В общем, «технология» + «история» = Питер.

Про эклеры и книги

Известно, что, согласно книге Бытия, на шестой день от сотворения мира Бог создал человека. Для нас же на шестой день пребывания в Северной столице божественным откровением становится сеть петербургских кондитерских «Север». Теперь мы чувствуем себя в Городе гораздо увереннее: несколько раз исходили Невский проспект, по крайней мере ту его часть, что идет от Адмиралтейства до Аничкова моста. Поэтому начинаем мы, конечно же, с той кондитерской, что находится на Невском.

Внимательно рассматриваем симпатичный зал, столики, фирменный логотип «Севера» – двух белых мишек! – действующий с 1936 года. Раньше это была кондитерская «Норд», но в пятидесятые годы XX века в рамках борьбы с космополитизмом ее переименовали, а мишек оставили на месте. Многообразие тортов и пирожных, выставленных в витрине, поражает воображение. Тут тебе эклеры, буше, грушевое пирожное, «Алые паруса», «Север», корзиночки... Цены, правда, тоже кусаются (впрочем, они явно не больше, чем в сети «Шоколадница», например), так что мы берем по эклеру в шоколаде и топаем на улицу. Там, завернув на Михайловскую улицу, доходим до площади Искусств, осеняем своим приветствием великого Пушкина, бронзовую, чуть позеленевшую голову которого нежно, но целеустремленно оккупировали голуби, и прогуливаемся по скверу, наслаждаясь сладким. Эклеры просто восхитительны! Сверху политы шоколадной глазурью, а внутри содержат масляный крем. Что хорошего, спросите вы? Ведь масляные кремы давно вышли из моды – это в советское время некуда было деваться от тортов, покрытых маслом, теперь же правят бал начинки из йогурта, мягкого сыра или легкого белка. Однако масляный крем в этих эклерах совершенно другой и непривычный для нас: нежный, ласково тающий во рту и оставляющий воспоминание чего-то воздушного и совершенного. Мы, кажется, мурлыкаем, словно питерские мартовские коты. Возле скамеек трутся голуби в надежде выпросить у нас крошек, а Пушкин взирает с завистью. Он-то такой вкуснятины явно не пробовал.

Мы возвращаемся к «Северу», но проходим чуть дальше по Невскому: впереди нас ждет еще одна местная достопримечательность, а именно крупнейший магазин сети «Буквоед» – «Парк культуры и чтения» (да-да, тот самый). «Буквоедов» по городу много, но этот – очень представительный. У него два входа-выхода и всегда художественно украшенная книгами и рекламными плакатами витрина. Один из входов заставляет нырнуть под арку дома и увидеть над головой прикрепленный к левой стене дома огромный фонарь. Он восхитительно круглый и навевает мысли о старых питерских домах и дворах. Этот фонарь – первый в плеяде любимых теперь мною петербургских фонариков. На входе в магазин – скамейки и раздвижные двери. Внутри – эскалатор, ведущий на второй этаж, что для нас, уральских провинциалов, абсолютная диковина: в Екатеринбурге полно торговых центров с эскалаторами, но ни одного большого книжного магазина, где можно перемещаться подобным образом. Хотя это логично: размеры тамошних книжных магазинчиков небольшие, пешком можно обойти за пять минут.

«Буквоед» поражает размерами помещения и обилием книг; здесь на втором этаже есть уютная кофейня, где посетители общаются, пьют кофе и лениво листают взятые с книжных полок новинки.

На третий этаж мы поднимаемся на лифте, обходим длинные ряды книжных стеллажей и бросаем якорь в отделе детской литературы, примостившись с книгами на крохотных детских стульчиках. Рядом на аналогичных сиденьях сидят большие дяди и тети, увлеченные чтением. Вскоре Руслан откладывает книгу и начинает разглядывать яркие интересные наборы мозаик, периодически протяжно вздыхая и намекая, что с детства мечтал об этой... и той тоже... и какие они все красивые...

Покидаем мы книжное царство часа через два, довольные как слоны. Руслан несет под мышкой набор пазлов «Тайная вечеря» (Леонардо да Винчи). Я ничего не несу, зато, как истинный шопоголик, присмотрела себе кучу книг. На улице уже стемнело, прохладный мартовский вечер окутал Невский проспект. Вокруг зажглись бесчисленные огни: подсветка домов, окна, витрины магазинов и фонари. Невский готовится к тому, чтобы ступить в очередную свою блистательную ночь.

Комментарий Руслана

Духовный супермаркет «Буквоед» – такой «Ашан» от мира книг – представляет собой несколько этажей, заполненных книгами, здесь работают кафе, лифты, эскалаторы. Во всем этом многообразии помогают разобраться консультанты обычные и консультанты электронные – маленькие автоматы со встроенной поисковой системой. Последние работают намного быстрее.

Выйдя из метро «Черная речка», направляемся в мясной магазин местной сети «Великолукский мясокомбинат»: там всегда свежие колбасы и мясо, все вкусное и дешевое. Поскольку я ярый колбасолюб, то перед витриной с колбасами и копченостями никогда не могу устоять. Мои фавориты здесь – свиные колбаски с паприкой, ароматные и жирные. Еще очень соблазнительна сырокопченая «Брауншвейгская».

Последняя остановка – молочный магазин «Пушгорский», где мы любимся восхитительной на вид домашней сметаной, сырами и рядом творожных смесей с разными начинками. Особенно вкусна смесь с черносливом: здесь он крупный и сладкий. Покупаем, чтобы откусать на завтрак.

Дома варим картофель, купленный ранее на рынке, и уминаем его со свиными колбасками. Руслан уносит пазлы во вторую пустующую комнату квартиры и прямо на полу начинает их собирать. Ну вот, а мы гадали, как нам использовать ненужное помещение. Теперь знаем.

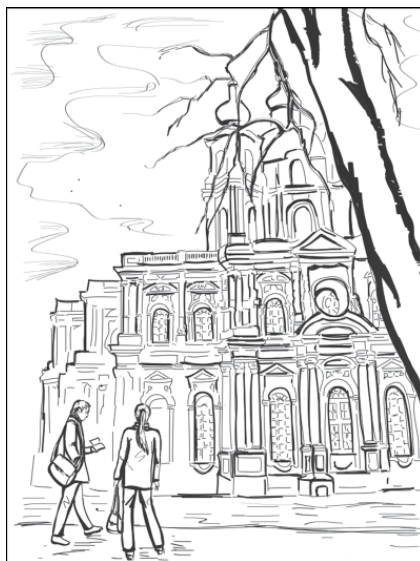
Так проходит очередной приятный день в любимом городе. Сказка для взрослых, которые наслаждаются чтением, едой и просто жизнью.

Комментарий Руслана

Гастрономические радости и прочие сладости нам вообще не в тягость.

До конца месяца мы успеваем переделать еще кучу интересных дел, но, главное, чувствуем себя отдохнувшими и посвежевшими, будто сырой питерский воздух слегка «увлажнил» наши истощенные организмы. Реки и каналы по-прежнему во льду, который, правда, потихоньку тает. Тротуары (те, что расположены не на Невском проспекте) покрыты снегом. Люди кутаются в темные одежки и выглядят грустно (кроме туристов, пожалуй). А мы каждый день приходим с прогулки с раскрасневшимися щеками и горящими глазами. Оказывается, Питер в марте полезен для здоровья. Проверено.

Апрель

Литературный Петербург

С недавних пор мы интересуемся сайтами местных книжных магазинов, особенно, Дома книги и «Буквоеда». Помимо того что на ярких интернетовских страницах можно ознакомиться с полезной информацией о книжных новинках, здесь еще есть такие хорошие вещи, как встречи со знаменитыми писателями. Встречи, ясное дело, не в Интернете происходят, а вживую, в этих самых магазинах. В глобальной же Сети указываются только дата и время.

Так я узнала о проведении в Доме книги на Невском проспекте встречи с любимым мною писателем, собирателем питерского фольклора Наумом Александровичем Синдаловским. С его книг началось мое знакомство с историей Петербурга. Историю писатель описывает не классически, с помощью доказанных фактов, а через мифы и легенды. Это само по себе интересно: будто увлекательный сказочный роман читаешь, витиеватый такой, кружевной. Петербург, состоящий из мифов, нереальный, сквозь дымку домыслов, легенд, преданий, кажется еще более романтичным и пропитанным духом прошлого, чем есть на самом деле. За каждой легендой стоит своя история, а уж реальна она или нет, поди разбери спустя столько времени...

Писатель оказывается пожилым благообразным мужчиной, с правильной литературной речью и приятными манерами. Он несколько смущенно восседает за отдельным столом лицом к слушателям, коих собралось довольно много в одном из залов Дома книги. Слушатели сами похожи на писателя: внешне довольно скромные, с такой же литературной речью и достоинством в каждом движении или слове. Это те самые питерские обыватели, благодаря которым город считают культурной столицей: хорошо воспитанной, образованной, вежливой. Люди, прожившие большую часть жизни в нашей стране в другой временной эпохе и потому плохо сочетающиеся с настоящим временем и его современными обитателями.

Ощущение, что мы с Русланом находимся на обломках какого-то старинного корабля: здесь, в этих стенах, собрались те, кто любит литературу и историю. Где же остальные? Где молодежь? Ей больше не интересны такие вещи? Теперь для молодых людей это всего лишь архаизмы? Подай им Интернет и социальные сети? Хотя... Возможно, я ошибаюсь от начала и до конца. И очень надеюсь на это.

На встрече презентуется новая книга о «литературных» петербургских адресах, адресах, каким-либо образом связанных со знаменитыми писателями, поэтами, критиками. Книгу продают с приличной скидкой, так что спустя некоторое время мы стоим у кассы, оплачивая очередное мое удовольствие.

Порадовав поклонников историями из своей жизни и из жизни Петербурга (какой любовью к городу пронизано каждое слово!), писатель начинает автограф-сессию. Вскоре на первой странице моего экземпляра книги красуется надпись: «Милой Дарье от автора».

Так я побывала на первой в своей жизни встрече со всамделишным писателем, давшим мне первый в моей жизни автограф. Как же много я упустила и сколько предстоит наверстать! Ну, ничего, главное – время и терпение. А также вдохновение, куда же без него.

Комментарий Руслана

Близость культуры поражает, постоянные мероприятия и встречи с известными деятелями не могут не радовать: в книжных магазинах появляются и Леонид Парфенов, и Олег Басилашвили. Всегда можно о чем-то спросить и просто пожелать творческих успехов людям, которые раньше казались недостижимыми. В общем, самооценка повышается до небес. Нереально классное чувство.

Покинув магазин, к метро мы направляемся по Итальянской улице, где возле ресторана «Золотой Остап» гордо возвышается памятник Остапу Бендеру. Нежно прижимая к груди свое новое бумажное приобретение, я фотографируюсь на фоне обаятельного жулика, опирающегося на стул. Нос Остапа и сиденье стула вытерты до золотого блеска: видимо, нос потирают на счастье, а сиденье, как обычно, используют для фотосессии – прижимая свою пятую точку. Интересно, сколько людей пересидело здесь, щуря глаза и раздвигая губы в улыбке? Не счесть.

Эрмитажный кот

Погода замечательная, видимо, зима наконец уступила место весне, равно как и серое небо уступило ярко-голубому, праздничному. Мы выбираемся из дома, чтобы совершить прогулку по центру Петербурга и посетить Эрмитаж. Доезжаем, как обычно, до Невского проспекта, доходим до мостика на канале Грибоедова и двигаемся вдоль канала в сторону Спаса на Крови. Мостовая выложена плиточкой и обрамлена красивыми фонарями. Кстати, фонари – это вообще особенность Петербурга. Скажу так, в Европе нам с Русланом пока что не довелось побывать ни разу, но когда мы идем по улицам Питера и рассматриваем бесчисленные разнообразные, художественно оформленные и всегда интересные фонарики, ощущение, что мы сейчас в той самой старой Европе, знакомой по фильмам и книгам, не покидает. Фонари – даже при дневном свете и незажженные – создают ощущение уюта и гармонии.

Собор Спас на Крови, выстроенный у Михайловского сада на месте покушения на императора Александра II, закончившегося смертью царя, выглядит празднично, несмотря на то что причиной его возведения послужило столь печальное событие. Созданный в русском стиле, он представляет собой собирательный образ русского православного храма, ориентированного на образцы церквей Москвы и Ярославля первой половины XVII века. Пышностью своего декора он очень отличается от петербургских православных соборов и, конечно же, от храмов других конфессий: те выглядят более строго и аскетично. Здесь проводятся экскурсии и периодически ведутся службы.

Мы осматриваем решетку Михайловского сада. Выполненная в стиле модерн, она смотрится, на мой взгляд, даже более интересно, чем знаменитая решетка Летнего сада. Ажурные ворота открыты для всех посетителей, и мы почти бегом направляемся внутрь. Заснеженный сад восхитителен. По центру он выполнен в пейзажном английском стиле и являет собой единение природы и искусства как высшего смысла красоты. Вековые деревья, игривые аллеи, ажурные металлические скамейки, круглые фонари и, конечно же, вид на северный фасад Русского музея, дополняющий общую гармонию.

Сады и парки Санкт-Петербурга – это вообще отдельная тема, на которую можно распространяться часами. Своей красотой, завершенностью, смыслом они покоряют раз и навсегда. По сути, это законченные произведения садово-паркового искусства и исторические памятники, спроектированные знаменитыми архитекторами ушедшей эпохи. Даря ощущение прекрасного душе, легким они преподносят, словно на блюдечке, чистый, свежий, обработанный тысячами листьев деревьев воздух. Сейчас деревья стоят пока обнаженные, колышут на балтийском ветру голыми ветвями, но вот вступит весна в свои права, окутает нежной зеленью сады и парки, и потечет по ним легкий вкусный воздух, даря облегчение городскому жителю, уставшему от выхлопных газов и пыли.

Комментарий Руслана

Обилие природы внутри города – явление, совершенно нетипичное для российских городов. А уж ухоженная природа – вообще раритет. Тем не менее даже в Питере находятся люди, которые умудряются использовать ландшафтные дизайны России для справления своих личных нужд (физиологических, а не культурных). Даже нам, приезжим, перед туристами бывает, увы, стыдно...

Мы проходим Михайловский сад насквозь и выходим к Михайловскому замку – еще одному крупному архитектурному памятнику. Мрачный, неприступный, странного тревожащего цвета, замок вполне отражал, судя по всему, характер своего владельца, императора Павла I. Подозрительный, ненавидящий свою мать Екатерину II, «странный» император, успе-

ший за короткое правление снискать славу самодура... Замок, тем не менее, все же хорош, а как сияет на солнце его шпиль!

Думаю, наши цари не оставили нам ничего примечательного, кроме вот этого культурного наследия, которым мы теперь любимся и восхищаемся. Сколько трудов, забот, подвигов и денег было положено здесь, сколько жизней унесено, а все ради одной великой цели – потешить батюшку-царя, а теперь... нас, простых обывателей. И на том спасибо.

Обогнув Михайловский сад по Садовой улице и пройдя мостик через Мойку, мы оказываемся на Марсовом поле, где прогуливаемся по ровным аллеям, слегка поеживаясь на ветру, дующем с Невы. Вскоре сворачиваем налево и, держась набережной реки Мойки, движемся в сторону Дворцовой площади. Здесь, на Мойке, 12, находится знаменитый музей-квартира А.С. Пушкина, в которой великий поэт скончался. Задумавшись, я спрашиваю Руслана:

– Почему же Пушкин – великий поэт? Просто-таки самый-самый? Что особенного он написал? Да, читается легко, ну и что?

– В том-то и дело, – терпеливо объясняет Руслан, – такая легкость и гармония стиха и есть гениальность. Пушкин – это целая эпоха.

Наверное, я соглашусь. И перечитаю все произведения поэта: здесь, в Питере, среди тех мест, где ступала его нога, кажется, по-прежнему витает пушкинский дух. И он, похоже, бессмертен.

Дворцовая площадь встречает нас во всем своем великолепии. На фоне неба возвышается, блестит на солнце купол Исаакиевского собора, и эту картину я, кажется, готова наблюдать бесконечно...

Роскошные ворота Зимнего дворца украшены позолоченным двуглавым орлом – символом самодержавия. Мы проходим во внутренний двор, просторный, украшенный по центру небольшим садом с вековыми деревьями и скамейками. Рядом стоят рекламные проспекты, информирующие, какие временные и постоянные выставки проходят сейчас в Эрмитаже. Нас поражает объявление о том, что мадридский музей Прадо привез свои картины, и мы можем преспокойно осмотреть их. Движемся в сторону кассы и тормозим: оказывается, пробило пять часов, и билеты в музей уже не продаются. Надо было пошевелиться! На входе сидит симпатичный белый с темными пятнышками кот, наверное, местного разлива, «эрмитажный». Кот ручной, и все выходящие из музея посетители считают своим долгом погладить его. Наверное, по ночам он ловит в музее мышей и смотрит на полотна и скульптуры великих...

Отправляемся обратно на Невский, отложив наш культурный поход на завтра.

На следующий день мы вновь собираемся долго. Похоже, время в Питере течет как-то незаметно, подчиняясь своим собственным законам. Иначе отчего мы стали такие лениво-неторопливые? Никуда не спешим, почти ничего не планируем. Ведем себя, как оголтелые отпускники. Хотя, впрочем, мы и есть отпускники, поскольку пока не работаем и работу даже не ищем. На какие же средства мы существуем, спросите вы? На денюжки, привезенные с собой из Екатеринбурга; возможно, это безалаберно и несколько неэкономно, да и вообще не практично, если на то пошло, но... Если в первые два дня мы думали, что вот, уже завтра начнем поиск работы, то на третий решили взять тайм-аут. Мы же в Петербурге, в конце концов! Город располагает к сладкому безделью и ничегонеделанью, предлагая при этом кучу интересных вещей и возможность хорошо провести время. Жизнь остановилась, замедлилась. Ну и все равно. Пускай она побудет в этом состоянии, а мы (только тсс!) переведем дух и вздохнем полной грудью.

Комментарий Руслана

Город для жизни, а не для работы. Или работы, но творческой. Человек, любящий серое однотонное офисное существование, здесь не приживется. Креатив – наше все, серая жизнь – на помойку!

Итак, к Эрмитажу мы вновь подходим ближе к пяти, но все же успеваем взять билеты. Кота вчерашнего нет, где-то бегаёт. Удивляют цены: для жителей России всего сто рублей, зато для иностранных подданных раза в два больше. Видимо, срабатывает убеждение, что иностранцы априори обеспеченные люди, а соотечественники – нет. Нам выдают билеты со штрих-кодом, которые мы, раздевшись в гардеробе, прикладываем к входным турникетам. И вот уже поднимаемся по главной лестнице Зимнего дворца, устланной алым ковром. Здесь ходили наши цари, в том числе Екатерина Великая. Походка у меня сразу же становится величественной, а как же, надо соответствовать месту. Я замираю в красивой позе, и Руслан меня фотографирует.

Выставка Прадо на втором этаже, сразу налево. Народу прилично, ажиотаж присутствует. В буклете заявлено, что всего представлено шестьдесят шесть работ от великого музея, из них – целый ряд картин, в свое время написанных по заказам испанских королей или приобретенных ими. Здесь «Святое семейство с ягненком» Рафаэля, «Портрет неизвестного» Дюрера, портреты Веласкеса, а еще работы Караваджо, Тициана, Веронезе.

Довольно тягостное ощущение оставляют работы Сурбарана «Агнец божий» и «Распятие с донатором»: мрачно-темный фон, яркие фигуры героев картин (барашек, принесенный в жертву, и распятый Христос соответственно). Аналогично воспринимается Эль Греко (да простят меня почитатели его таланта!): «Святое семейство со св. Анной и маленьким Иоанном Крестителем» и «Христос, обнимающий крест» написаны грязноватыми красками, словно каждый цвет намеренно перемешан с черным.

Мне нравится Рубенс с его легкой манерой письма, плавными линиями и Франсиско Гойя. Руслану же – Арельяно, на картине которого вместо традиционных для того времени религиозных и мифологических сюжетов изображены обычные незатейливые цветы. Также мы долго разглядываем картину «Любовь небесная и любовь земная» Хосе де Мадрасо-и-Агудо: Руслану нравится, как прописаны складки красноватой ткани, накинутой на ногу ангела, а я с некоторым ужасомзираю на одутловатое с широко расставленными глазами и жалостливо искривленным ртом лицо маленького ангелочка (почему-то оно меня особенно пугает).

Если вдуматься, то сам собой напрашивается вывод: период конца XVI – начала XVII веков, к которому относится часть картин, представленная здесь, был, похоже, мрачноватым временем в Западной Европе. Пугающий темный фон картин, сюжеты на религиозную тематику...

Позже я прочла: когда эпоха Возрождения в Европе закончилась, на смену ей пришел так называемый маньеризм. Ему были присущи взвинченность и изломанность линий, удлиненность или даже деформированность фигур, напряженность поз, необычные или причудливые эффекты, связанные с размерами, освещением или перспективой. Ярким представителем маньеризма был не кто иной, как не полюбившийся мне Эль Греко.

Потом появился стиль барокко с пышностью форм и аристократичностью сюжетов. Здесь уже правил бал Караваджо, в религиозных сюжетах которого герои изображены в полумраке, при этом яркий свет выхватывает их выразительные жесты. Представленная в Эрмитаже работа этого художника «Давид и Голиаф» – яркий тому пример: Давид склонился к отрубленной голове Голиафа, при этом освещены и хорошо видны только спина, правые рука и нога Давида и голова его поверженного врага, все остальное тонет во мраке. Сурбаран, кстати, в светотени подражал Караваджо, вот откуда идентичность их пугающих картин.

Комментарий Руслана

Выставка, конечно, поражает своей масштабностью – все-таки представлены одни из самых известных творений, хранящихся в Прадо. Работы художников, незнакомых неискушенному зрителю, например, Арельяно, – завораживают. Вот это уровень, действительно виртуальная

реальность! Различные новомодные «3D суперкачества» нервно курят в стороне...

Решив, что Прадо я сегодня сыта по горло, и обнаружив на часах без двадцати шесть (а в шесть ровно – закрытие Эрмитажа), предупреждаю Руслана, что отправляюсь искать своих любимых импрессионистов. С помощью добрых эрмитажных старушек-смотрительниц добегаю до третьего этажа, до зала «Французская живопись середины XIX – начала XX века», и вот они здесь, мои любимцы – Писарро, Моне, Ренуар, Ван Гог, Сислей.

Я люблю импрессионистов за легкость, красоту и нежность их полотен, за яркость и чистоту красок. За целый гармоничный и интересный мир, в котором герои их картин отдыхают, смеются, наслаждаются жизнью, а природа радостна и маняща. Импрессионисты не затрагивали в своих работах социальные проблемы, они отказались от «академических» религиозных, мифологических и исторических сюжетов, зато первыми стали работать на пленэре, не дорабатывая затем картины в мастерской.

Из работ импрессионистов, хранящихся в Эрмитаже, я особенно трепетно отношусь к Огюсту Ренуару: «Портрет актрисы Жанны Самари» (любимой модели художника), «Девушка с веером» (какой нежный оранжевый цвет!), «В саду» (царство яркой зелени деревьев и чувств пары, изображенной на картине), «Мальчик с прутиком». Последняя работа вообще интересна: когда я в первый раз увидела название картины, решила, что опечатка. Ну, бывает, ошиблись музейные работники, ничего страшного. Сами посудите, какой же это мальчик, если на полотне изображен ребенок с длинными кудрявыми волосами, одетый в платьишко? В общем, НЕ мальчик явно. Так за девочку и держала, пока не услышала витиеватую лекцию местной женщины-смотрительницы о том, что в названии все верно, просто в те времена принято было маленьким мальчишкам отпускать длинные волосы и наряжать их, бедолаг, в платья. Интересно, не возникало ли у несчастных детей проблем с самоидентификацией?

Ренуар, пожалуй, самый яркий и жизнерадостный представитель школы импрессионизма.

Далее моя любовь – Клод Моне: нравятся его «Дама в саду», «Сад в Бордигере. Утро» и, конечно же, «Мост Ватерлоо. Эффект тумана». «Мост» – гениальное творение, смотреть на которое нужно издали, тогда виден во всей красе изящный воздушный «дымчатый» пейзаж. А приблизишься вплотную к картине и не замечаешь ничего, кроме мазков.

Очень нравится работа Альфреда Сислея «Городок Вильнев-ла-Гаренн»: легкая, радостная, искренняя; здесь темные деревья на переднем фоне словно оттеняют залитый солнцем противоположный берег.

И, конечно, «Площадь Французского Театра в Париже» Камиля Писсарро: здесь перед нами предстает во всем своем великолепии Париж, он выглядит таким празднично-легкомысленным, что влюбляешься в него с первого взгляда.

Из художников-постимпрессионистов мне интересны Винсент Ван Гог (какая насыщенность красок в картинах «Куст» и «Хижины»!) и Поль Гоген (его таитянки поражают воображение даже сейчас, а представляете, какой эффект был в конце XIX века).

Мне пора спускаться вниз, свидание с импрессионистами закончено. Настроение просто превосходное: хочется обнять весь мир. Мрачные краски картин из музея Прадо уже растворились где-то в глубинах подсознания, их нет, остался только яркий красочный мир.

Удачный получился культурный поход, контрастный по восприятию и безумно интересный.

Воодушевленные, мы вновь собираемся в Эрмитаж в ближайшее воскресенье; желание продолжать культурные изыскания не иссякает. В этот раз двигаемся намного быстрее, просто-таки проявляем чудеса оперативности, поэтому часам к двум дня уже подходим к Дворцовой площади. Вид ажурных дверей с двуглавым орлом сегодня повергает нас в легкий шок, поскольку неожиданно лицезреем гигантскую очередь, тянущуюся через весь отнюдь не

маленький двор Зимнего дворца и заканчивающуюся аккуратно на Дворцовой площади. А мы еще сомневались, ходят ли жители Петербурга по музеям! Ходят, ходят, да вон как активно. Конечно, среди толпы, стоящей в очереди, наверняка найдутся и гости Северной столицы – туристы и командировочные. Однако большая часть питерских гостей, так или иначе, предпочитает посещать музеи в будние дни. Значит, очередь все же состоит в основном из петербуржцев. Возможно, они используют для посещения музеев помимо зимнего периода времени еще и начало весны, когда погода пока промозглая, с Невы дует ледяной ветер, и город не особенно располагает к прогулкам. Понятно, что туристам на эти фанаберию наплевать, у них время ограничено от двух до семи-десяти дней, а потому закутались потеплее, и вперед – на покорение питерских пространств. А местным жителям торопиться некуда, прогуляться по городу они всегда успеют.

Частенько туристы завидуют петербуржцам черной завистью и негодуют на них: под боком такие сокровища мирового масштаба, а жителям хоть бы хны, многие в том же Эрмитаже в глубоком детстве бывали, да и то с классом и учительницей в рамках общеобразовательной школьной программы.

Но сегодня перед нами картина предстает прямо-таки обратная, с одной стороны, радужная при виде ответственности и образованности пусть и не всех петербуржцев, но какого-то их числа, а с другой стороны – печальная, ведь в Эрмитаж мы сегодня уже не попадаем. Ну что делать? Зато у нас в данный момент есть преимущество: в отличие от туристов, нам торопиться наслаждаться культурными красотами не стоит, время есть. От местного, работающего по будням народонаселения мы отличаемся тем, что будни эти у нас пока свободны. Словом, жди нас, Эрмитаж, в какой-нибудь ясный денек на будущей или последующей неделе.

P.S. Могучая разведка под наименованием Интернет докладывает, что в Эрмитаже действительно живут коты, причем целый боевой отряд, главной обязанностью которого является ловля крыс и мышей. На полотна и скульптуры великих в залах музея им смотреть запрещается, наверное, по причине соблюдения безопасности для произведений искусства, но некоторые «усатые» частенько обходят запрет. Думаю, это одни из самых образованных котов на свете. У каждого животного есть свой паспорт с фотографией и отметками ветеринара, так что «эрмитажные коты» состоят на официальной службе. А еще у них есть преимущество: в ветлечебницах этих служителей искусства пропускают без очереди.

Комментарий Руслана

Ну прямо как британские коты на службе Ее Величества – в Букингемском дворце, правда, этим четвероногим «Джей м сам Бондам» даже зарплату платят...

Сладкая жизнь

Нам страшно понравились те чудные эклеры в «Севере», но стоимость их не особенно вдохновила, поэтому мы ищем более дешевые варианты. Нашли в Интернете адреса других кондитерских этой сети и начинаем собственное расследование.

Итак, есть «Север» на Сенной площади. Сюда мы двигаемся со стороны Невского проспекта, по каналу Грибоедова, и вскоре набредаем на знаменитый Банковский мостик, украшенный грифонами.

В моем детстве у нас дома хранился набор открыток с видами Петербурга (хотя, будучи маленькой, я, конечно, не понимала и не представляла, что это за город такой чудной на них изображен). На обложке набора как раз красовались те самые грифоны и решетка ограды, закрывающей здание Университета экономики и финансов.

Грифоны с детских открыток интересны как никогда. Словно из другого времени шагнули. К сожалению, рядом ведется некий ремонт-строительство, поэтому одна пара грифонов закрыта сверху деревянной конструкцией. Мы любуемся на оставшихся сказочных персонажей, потом оглядываем покрытый льдом канал и продолжаем свой путь.

Сенная площадь, несмотря на красивую архитектуру построек и смешные скамейки, украшенные по бокам чем-то вроде колес от старинной повозки, нам не особенно по нраву. Слишком шумная, громогласная, словно рынок, с непрекращающимся строительством возле метро и цыганками в цветастых юбках. Цыганки похожи на пестрые танки, которые так и норовят проехать по тебе своим катком жадности и наглости. Приходится уворачиваться и бежать стремглав, сверкая пятками, напрямик до возделенной кондитерской.

Она здесь несколько отличается по ценам от центральной: здесь куда дешевле, но мы неожиданно вспоминаем, что не исследовали еще одну точку, находящуюся недалеко от нашего нового дома – на улице Савушкина. С чистой совестью возвращаемся к метро «Сенная площадь», а по пути я рассказываю Руслану грустную историю о том, что раньше здесь возвышалась красивая старинная церковь, которую снесли в советское время. Когда в конце девяностых при входе на станцию обрушился бетонный козырек, приведший к гибели людей, многие посчитали это наказанием за святотатство. Честно говоря, дрожь пробирает, когда проходишь здесь...

Тема грустная, и настроение портится, ибо многое из архитектурного и исторического наследия было уничтожено в Питере в те времена. Утраты, которые никогда не будут восполнены...

А мы уже на «Черной речке», и так как кондитерская оказывается близко к метро, вскоре с удовольствием разглядываем витрины. Внутри нет столиков, чтобы выпить кофе или чай с вкусным пирожным, зато цены здесь раза в два ниже, чем на Невском проспекте. Мы долго облизываемся и спорим, что выбрать. Эклеры в шоколаде – это само собой. Ах, какие красивые пирожные... Хочется все! А еще печенье разного навалом. Как же быть? В итоге покупаем на пробу миндальное, ореховое и курабье.

Эклеры съедаем прямо на улице, наплевав на правила хорошего тона. Это уже в дурную привычку входит! Куда же подевалось наше стремление стать культурными людьми, дабы соответствовать Городу и его самым лучшим обитателям? Лучшие – значит очень-очень вежливые и не чавкающие при всем честном народе прямо на ступенях кондитерских. Однако эклеры слишком хороши. Тем более мы так долго их предвкушали, проделав длинный путь. Да и вообще, какая картина: свежий влажный ветер обдувает наши лица, щеки покраснелись, во рту перекачивается и тает нежный крем... Неужели вам еще не вкусно и не захотелось слопать самый вкусный эклер на свете прямо на улице славного города Питера апрельским погожим деньком? То-то же. Печенье мы смакуем дома с чаем. Оно тоже очень вкусное и просто тает во

рту. А с ним тают и наши сердца в благодарности к городу, вместившему в себя такие чудесные заведения, как кондитерская «Север».

Помимо «Севера» есть в Петербурге еще одно выпускающее сладкую продукцию предприятие... О конфетной фабрике им. Н.К. Крупской мы давно были наслышаны, а познакомились с ее продукцией в одном из отделов помпезного, напоминающего советские ЦУМы Гостиного двора. Было вкусно, красиво, но дорого. И мы решили искать альтернативу этому злосчастному месту, рассчитанному на туристов, приехавших сюда с одной целью – потратить денежки. Нам они еще понадобятся.

Однажды мы гуляем, наслаждаясь погодой и городом, по Казанской улице и встречаем мужчину, бережно несущего в руке коробку фирменных «крупских» конфет. Руслан тут же делает стойку, словно собака-ищейка: раз несут коробку в руке, значит место, где эту коробку приобрели, недалеко, в шаговой доступности. Руслан достает сотовый, запускает поисковик в Интернете и находит похожий адрес – ул. Пестеля, 11. Самое близкое сейчас к нам место. И мы, согласуясь с навигатором, пускаемся в путь...

Поплутав, выходим на Марсово поле, а оттуда мимо Михайловского сада к Фонтанке и знаменитому Чижиху-Пыжику. Здесь роскошный Пантелеймоновский мост с умопомрачительными фонарями, каждый из которых представляет собой произведение искусства, увенчанное двуглавым орлом. Каждый любитель интересных и необычных фонариков приковал бы себя к мосту железными цепями, только чтобы остаться здесь, подле своих кумиров. Напротив Михайловского замка выстроились очаровательные разноцветные дома, как на картинках, изображающих виды Копенгагена или Стокгольма. Думаю, теперь это будет мой самый любимый вид в городе (а конкуренция среди видов здесь высокая!). У моста плавают упитанные, холеные утки, валяются монетки, и Чижик – крохотная бронзовая птичка на постаменте – как всегда, собирает вокруг себя туристов. Поскольку пока не сезон, их немного: одна итальянка и две москвички. «Се-ле-зень», – втолковывает итальянке стоящая рядом девушка, видимо, переводчик. Мы кидаем пару монет (естественно, не попав в бронзового нахала) и переходим чудесный мостик.

Фирменный магазинчик встречается достаточно скоро (в Питере в центральной части вообще все рядом, и от этого уютно и хорошо). Маленькое помещение забито контейнерами и подарочными коробками с конфетами. Вокруг витает волшебный запах, и две дородные продавщицы в форме священнодействуют, взвешивая выбранное сладкое. Мы покупаем фирменные конфеты, а также пирожное с грецким орехом и курагой, которое съедаем сразу же, едва покинув гостеприимный магазин. Руки немедленно становятся липкими от сгущенного молока. Опять та же картина маслом: улица, вокруг изящные старинные питерские дома, озабоченные прохожие, а мы жуем пирожное и наслаждаемся... Нет, не стать нам приличными благовоспитанными людьми.

Через неделю мы, благополучно съев все конфеты, держим путь к моему любимому теперь мостику на Фонтанке. Погода сегодня не так хороша, как в прошлый раз, небо хмурится, и, кажется, снег обещает выпасть, укрыть стылую землю, каналы, голые деревья и кусты. Однако хмурая картина неожиданно преображается, словно вспыхивает солнце: навстречу нам идут итальянские туристы. Итальянцы обычно видны за версту по жестам, мимике, общей экспрессии и смуглым лицам. А эти итальянцы еще и выглядят до абсурда необычно: на мужчинах красуются сувенирные шапки-ушанки, а женщины обряжены в длинные рыжие шубы до пят. Из-под полы меха выглядывают треники и спортивные тапочки, составляя общую умогительную картину. Какая жалость, что я стесняюсь достать фотоаппарат и запечатлеть невиданное зрелище! Шубы с шапками удаляются в сторону Михайловского сада, а на нас с Русланом нападает гомерический смех, сгибающий пополам. Успокаиваемся мы только возле самого Чижика. Эксцентричные иностранцы вписали себя в летопись этого города, любящего и приветствующего все яркое и необычное.

Комментарий Руслана

Туристы, конфеты – словом, dolce vita. Яркие люди формируют яркий образ города. Несмотря на распространенное мнение о серости и состоянии «унылой осени», здесь этого даже близко нет.

Первая любовь

Мы постепенно становимся завсегдатаями театральной кассы на Невском. Теперь у нас есть замечательная привычка заглядывать в просторное полуподвальное помещение, увешанное яркими афишами, с вежливыми кассирами за стеклами стоек. Давеча купили билеты на оперу Г. Доницетти «Любовный напиток», а на днях сходили на постановку «Школа налогоплательщиков» легендарного БДТ им. Г.А. Товстоногова, показанную на сцене Мюзик-холла. Легкий, искрометный спектакль нам очень понравился. Теперь думаем, куда направить стопы в поисках подобного драматичного изыска.

Однако направляем мы их в сторону иного жанра, приобретая билеты на флейту Пана в Смольном соборе. Стоят билеты совершенно недорого, и это приятно.

Ближайшая к собору станция метро – «Чернышевская», приходится добираться с пересадкой. На выходе мы видим исторический Питер, а еще приятную хвойную аллею с уютными скамейками. Сворачиваем на Кировую улицу, затем проходим стороной Таврический сад (какое чудесное название!) и музей им. А.В. Суворова – необычное здание в виде сторожевой башни с бойницами и мозаикой на стенах.

Вскоре мы оказываемся на Суворовском проспекте, поражающем своими размерами и простором. Широкая дорога по бокам окаймлена монументальными зданиями, подавляющими своим по преимуществу мрачным цветом и гигантскими фасадами, уходящими куда-то ввысь. Рядом с величественными, словно корабли, домами стоят не менее величественные машины типа «Бентли». Возникает неприятное ощущение, что мы находимся в катакомбах. Зато вдали, там, где проспект заканчивается... Какая красота открывается взору! Смольный собор словно парит в воздухе, легкий, будто сотканный из неба и солнца...

Давящие здания заканчиваются площадью Диктатуры пролетариата, где преобладает советский стиль постройки. Мы выходим к площади Растрелли, и здесь во всей красе предстает ансамбль Смольного. Он прекрасен. Я слышала, про Смольный говорят, что он прекрасен, как первая любовь... Народ потихоньку прибывает, мы вовремя.

Внутри собор, как и снаружи, выдержан в нежных бело-голубых тонах. Высокий купол, синий занавес за небольшой сценой, ряды стульев; стены украшены картинами, главным образом на евангелические темы. Здесь изображена и история постройки Смольного собора – в рисунках, документах. Его, как гласит предание, повелела строить императрица Елизавета, когда решила однажды постричься в монахини.

Концерт вскоре начинается. Олег Минаков – как объявляет конферансье – всемирно знаменитый флейтист, живущий в Петербурге и выступающий в соборе, как ни странно, в первый раз. Сначала он играет знаменитые композиции, написанные Эннио Морриконе, Эндрю Ллойдом Уэббером, Джеймсом Ластом.

Флейта Пана – это изумительный инструмент, извлекающий неземные звуки, поднимающиеся высоко под купол собора. На глаза наворачиваются слезы, голова отключается от мыслей и душа возносится куда-то ввысь вместе с чудесной музыкой... Музыкант мягким, вкрадчивым голосом рассказывает историю названия флейты Пана, довольно сказочный сюжет, содержащий художественные элементы. Потом он играет музыку из кино: на экране демонстрируются фрагменты из знаменитых фильмов, а флейта Пана выводит саундтреки к ним. «Король-лев», «Красотка», «Призрак», «Однажды в Америке», «Титаник». Я плачу, уже не стесняюсь, настолько поражает меня музыка, рассказывающая историю любви, ненависти, радости, грусти...

Комментарий Руслана

Вообще идея использовать Смольный собор в качестве концертной площадки настолько простая, насколько и успешная – великолепная

акустика и антураж создают соответствующую обстановку. Не пугайтесь сверхнизких цен на билеты (50-100 рублей) – посетить собор стоит, разочарованы вы не будете.

Время пролетает незаметно, вот последний звук флейты тает в вышине купола собора, и мы собираемся уходить. На улице уже темно. Собор горит, подсвеченный огнями, он и правда прекрасен. Я утираю заплаканные глаза, а в душе моей поет флейта. Мы вновь идем по Суворовскому проспекту, и я поминутно оглядываюсь на оставшийся позади Смольный.

Работа не волк, но...

К сожалению, наше сладкое безделье остается позади. Волевым усилием мы решаем, что пора остепениться и превратиться в полноценных жителей полноценного мегаполиса, которые в большинстве своем де-факто являются работающими трудолюбивыми гражданами. Работа должна быть у каждого. Это аксиома. Работать должны все. «Труд облагораживает человека» и, видимо, этим и отличает его от обезьяны. О пользе труда кто только не высказался из великих. Помнится, Лев Николаевич Толстой очень ратовал как за интеллектуальный, так и физический труд и даже сам пахал свои поля, как простой крестьянин. А между делом «Анну Каренину» пописывал: про любовь, измену и нравственный поиск.

Мы пользу труда, несомненно, признаем. Однако все же мы более прозаичны, и потому пускаемся в этот непростой путь чисто из материальных соображений. Денежная кубышка, привезенная нами из дома месяц назад и надежно припрятанная под спинкой одного из диванов в съемной квартире, постепенно грустно и безнадежно тает.

Кубышка обеспечивает нам более-менее комфортное проживание, проезд по городу, посещение театров, вкусные колбаски из мясного магазина и эклеры из «Севера». Кубышка дает возможность существования в прекраснейшем городе на свете. Но она не бесконечна.

Свое резюме Руслан быстро составляет и размещает на hh.ru, он в этом деле мастер. С моим резюме приходится повозиться, припомнить все мои заслуги, найти дипломы и грамоты – эти казавшиеся мне бесполезными бумажки, прихваченные с собой лишь благодаря скрупулезности Руслана. Затем сфотографировать документы и приложить файлами к резюме на сайте. Получается нечто очень солидное, будто и не про мою персону написано, а про акулу продаж какую-то. По крайней мере подруги с последней работы, оставшиеся в Екатеринбурге, меня по этому резюме точно не признали бы. Из-за этого я хнычу, переживаю и в результате впадаю в небольшую депрессию.

Вечером мы чинно прохаживаемся недалеко от дома, вдоль Черной речки, и на мой сотовый поступают два звонка с приглашениями на собеседования. Я растеряна такой поспешностью: под рукой даже нет ручки, чтобы записать время и место.

На следующий день мы торопимся на первое «слушание»: Руслан оказывает мне моральную поддержку, потому что я трясусь и в целом похожа на зайца, готового сигануть в первые же попавшиеся кусты, лишь бы не проходить через горнило собеседования. Место оказывается красивым – недалеко от Исаакиевской площади, в одном из домов на Конногвардейском бульваре с видом на симпатичную аллею. Контора занимается различными средствами, обеспечивающими безопасность: против угона, пожара, кражи и прочее. Прямо супермены какие-то.

На собеседовании я чувствую себя неуютно. От смущения краснею, бледнею и чуть ли не заикаюсь, думая о том, что давно не практиковалась в подобного рода вещах: саморекламе и представлении себя и своих достоинств на строгий обзор посторонних людей (не было в этом надобности). В конце концов, заявляю девушке-персональщице, что хотела бы заниматься непродажной деятельностью, хотя «продажная» прописалась в моем резюме так густо, что и не выкуришь.

Это, похоже, играет не в мою пользу: в глазах девушки сразу же читается отрицательный ответ, хотя губы скороговоркой произносят стандартную фразу, мол, мы вам позвоним и все такое.

Я расстроена и чувствую, что то замечательное гладкое равновесие, в котором душа и тело пребывали с момента приезда в Питер, безвозвратно нарушено. В горле стоит неприятный ком, и, похоже, что даже щеки – моя гордость! – которые на фоне приятной жизни без стрессов значительно округлились и стали похожи на хомячки, теперь слегка сдулись. Чтобы утешиться,

мы идем в фирменный магазин фабрики Крупской, где покупаем кило конфет: поддержать форму округлости щек, разумеется.

На следующий день я все еще отхожу от первого блина комом (ну не неженка ли?). Чтобы отвлечься, мы отправляемся на рынок напротив дома, где посещаем рыбный отдел. Парнишка нерусской национальности, сверкая белозубой улыбкой, показывает нам рыбу, лежащую во льду и даже плавающую в аквариуме. Та, что во льду, кажется более... неодошевленной, так что берем ее. Форель. Радужную. Просто красавицу.

Дома я – по телефонному совету мамы – решаю не запекать или тушить ее, а замариновать. Чищу от костей (сочное охлажденное мясо просто плавится в руках!), нарезаю на кусочки, складываю в емкость с крышкой (читай, кастрюлю), солю, перчу, добавляю репчатый лук, поливаю соевым соусом и яростно встряхиваю полученную смесь под крышкой. Ставлю в холодильник и начинаю предвкушать. Пока рыба маринуется, готовлю картофельное пюре.

Вскоре мы уплетаем за обе щеки ароматную рыбу. Хороший день.

Назавтра Руслан отправляется на собеседование. Вечером у него мероприятие на Петровском стадионе – футбольный матч «Зенит» – ЦСКА. Стадион я видела, когда мы покупали билеты: отдельный маленький островок, прожекторы, реклама «Зенита» и «Газпрома». Довольно красиво. Рядом – метро «Спортивная», расположенное на фиолетовой ветке – одной из самых новых в городе. Метро украшено мозаикой на спортивную тематику.

На футбол Руслан отправляется один по причине дороговизны билетов: недешево будет стоить удовольствие на двоих. Я, по правде говоря, облегченно вздыхаю, не будучи поклонницей сего достойного вида спорта. Сажу дома и пишу небольшое сочинение про любовь.

Следующее собеседование – в районе площади Мужества – мне назначает отдел продаж местного отделения «Северстали». Родные по телефону и скайпу, услышав про знатного кандидата-работодателя, слегка присвистывают. «Это, между прочим, не хухры-мухры, а металлопрокат и прочие ведра», – поясняет мне брат. «Ведра» меня, натуру впечатлительную и немного творческую, не очень вдохновляют. На родине я, правда, тоже занималась не особенно интересной деятельностью – продажей программ для бухгалтеров, но «ведра»... И все же надо идти. Хотя бы потренируюсь собеседоваться: как показала моя «попытка номер раз», мне не хватает практики общения с отделом персонала.

На собеседование мы опять идем вдвоем, да еще и пешком: решили, что с пересадками на метро дольше выйдет. Путь наш лежит по Торжковской, а затем Сердобольской улицам и приводит на Большой Сампсониевский проспект, к парку. Здесь стоит роскошный дом, огромный, словно высеченный из гранита, с колоннами и вазонами. У дома есть квадратная башня в два этажа. «Сталинский неоклассицизм», время постройки – пятидесятые годы, как узнали мы позже. Монументальностью своей дом поражает воображение, при этом из-за башни он кажется словно перевернутым с ног на голову. Очень необычный дом. Странный и интересный. Никогда не видели подобных, даже на знаменитом Невском проспекте. В доме расположен ресторан кошерной кухни.

Полюбовавшись на архитектурное чудо, идем дальше – целенаправленно до площади Мужества. Вокруг типичная отечественная застройка, не оставляющая места воображению и еще более неприглядная, чем на Черной речке. Воздух тяжелый и как будто спертый. Вспоминаются уральские реалии, что грустно: хочется, чтобы даже малейший кусочек Петербурга не был похож на то, к чему мы привыкли в нашем родном насквозь промышленном регионе. Питер от начала и до конца должен быть красив и восхитителен... Увы, это не так. Сказок не бывает. Вскоре мы «покоряем» проспект Непокоренных, изрядно длинный и непривлекательный. Зато здесь свой «Буквоед» имеется.

Контора с «ведрами» находится в офисном здании, подобраться к которому непросто: кругом ремонт и разрытая земля. Руслан остается ждать меня внизу, а я по указанию охранника прохожу к лифту. На собеседовании помимо меня еще два человека, нам суют анкеты и

велят заполнить. Я заполняю и поглядываю вокруг. Почему-то становится страшно весело и смешно, и я начинаю болтать с другим кандидатом – пареньком, который выглядит смущенным. Потом я непринужденно общаюсь с «начальницей» отдела продаж – молодой девушкой, и собеседование проходит мгновенно. Результат для меня однозначный – скорее всего, «нет», не знаю, как с их стороны, но с моей – точно. Не люблю всякие «жестянки», да и наблюдать ежедневно депрессивный проспект Непокоренных и покорять, покорять его постоянно желания особого нет. Мы с Русланом с облегчением топаем к метро.

По дороге решаем, пересаживаясь на зеленую ветку, ехать не до «Невского проспекта», а до «Площади Александра Невского». Там находится знаменитая Александро-Невская лавра, у которой Невский проспект, собственно, и заканчивается.

На выходе из метро наблюдаем памятник Александру Невскому на коне, с мечом и копьем – все как полагается. Прямо за ним – вход на территорию лавры. Проходим мостик через узкую речку Монастырку, лед на которой уже раскололся на толстые посеребрившие куски и видна темная вода. Александро-Невская лавра – это комплекс храмов и кладбищ, заложенный еще Петром I. Мы прогуливаемся мимо Троицкого собора, выходящего на Никольское кладбище. От памятников, стен храма и даже голых, дрожащих на ветру деревьев веет стариной и... тоской. Грустное место. А впрочем, почему оно должно быть иным? На свете для всего имеется место. Должны быть места для радости, и должны быть для печали. Такие, как это. Не бывает света без теней и наоборот, это еще мудрый Воланд у Булгакова сказал. А он разбирался в мироустройстве...

Мы смотрим на яркое голубое небо и вспоминаем, что на улице весна. Это хорошо. Мерно двигаемся к выходу, но останавливаемся возле кассы с билетами. От посещения знаменитого Некрополя мастеров искусств Руслан наотрез отказывается, мотивируя тем, что сегодня нет настроения слушать и смотреть печальную, хотя и интересную экскурсию.

Таким образом, мы вскоре вновь оказываемся в конечной части Невского проспекта. Решаем перекусить и, увидев ближайшее заведение «Pi Ratio», заглядываем внутрь, неоригинально заказывая бизнес-ланч: пиццу «Маргариту», политую острым оливковым соусом, салат и суп. Пока услаждаем пустые желудки, на мой сотовый приходит сообщение о назначении нового собеседования. Я – нарасхват!

После вкусного обеда нас ждет Невский, предлагая, как всегда, массу удовольствия. Мы долго-долго бредем, разглядывая красивые дома и наслаждаясь солнцем. Солнечных дней в Питере немного, надо пользоваться. Невский проспект – невероятно длинный, но не для тех, кто имеет свободное время и любит все красивое. Вот уже и Аничков мост со знаменитыми клодовскими скульптурными композициями коней и их укротителей...

Мы с чистой совестью (ведь поиски работы в разгаре!) заглядываем в театральную кассу, где покупаем билеты на французскую классику – «Тартюфа» Ж.-Б. Мольера на Малой сцене Молодежного театра на Фонтанке. Нам этот театр очень хвалили, вот и оценим.

Заканчивается наша прогулка на короткой, но такой знаменитой улице Зодчего Росси, организованной настолько правильно и симметрично, что кажется, будто правая часть ее является зеркальным отображением левой, и наоборот. Зазеркалье какое-то. А еще здесь расположена Академия им. Вагановой, где обучают танцу будущих балерин. Романтика...

Работодатель (тот, что не заставил себя ждать) пригласил меня – куда б вы думали? – опять на «любимый» мною проспект Непокоренных. Видимо, теплится где-то в душе Высшего Разума надежда, что я смирюсь с наличием в своем будущем ежедневном маршруте этого «непокорного» места. Так что на собеседование отправляюсь, но, скорее, для очистки совести. Ребята здесь занимаются продажей программного обеспечения, то есть практически тем же, чем и я ранее зарабатывала на жизнь. Разница лишь в самом продукте: антивирусы и прочие операционки.

Здание то же, что и в прошлый раз, и даже грязь на улице не прибрали. Мне приходится идти сегодня одной: Руслан решил, что морально я уже вполне готова. У конторы в наличии целый этаж здания, и каждая маломальская дверь здесь закодирована, не пробьешься. Разве что с гранатой. Сотрудники бегают с карточками, и у каждого вдобавок свой собственный уровень доступа. Туда, где ты бывать не должен, и не попадешь. Нечего пребывать там, где не положено. Почему-то обидно. Ощущение, что находишься в стане врага, и хочется моментально бежать. Чем я и занимаюсь со знакомым мне облегчением после того, как быстро и весело отгадываю ответы на вопросы хмурого и молодого начальника отдела продаж. Чувствуя себя свободной птицей, лечу обратно на площадь Мужества (которую мы с Русланом уже успели окрестить «площадью Замужества») и еду на метро в центр – встречаться с Русланом и гулять. Погодка шепчет.

В конце концов точка в этой истории с поиском работы (тем более что Руслан уже определился и нашел себе место!) должна быть поставлена. И когда меня через несколько дней приглашают в телекоммуникационную компанию, расположенную в самой старой части Петербурга – на Васильевском острове, в отдел по работе с клиентами (продажами тут и не пахнет, ура!), обещая желательный для меня оклад, меня охватывает хорошее предчувствие, и я еду с самыми благими намерениями.

Васильевский остров – красивый, старинный, чем-то неуловимо похожий на музей под открытым небом. От метро «Василеостровская» до нужного места всего пятнадцать минут пешком, и офис представляет собой симпатичный особнячок ярко-желтого цвета прямо на берегу реки Смоленки. На собеседовании меня огорошивают тем, что отдел набирается новым составом, а из «старого» – только руководитель – довольно симпатичная молодая женщина в красных очках. Я замороженно смотрю на ее очки и пропускаю момент, когда мне сообщают, что заниматься я буду дебиторской задолженностью – самой непростой обязанностью. Но говорить «нет» я не намерена, поэтому машинально отвечаю «да», не зная, чем мне это аукнется впоследствии. На улице я радостно обхожу близлежащую территорию и нахожу, что кругом – одни кладбища, причем старинные. Рядом – лютеранское, за ним – армянское, а чуть дальше – православное. Несмотря на печальное соседство офиса с такими памятниками архитектуры, это интересно. Окружение старины привлекает, словно магнит. Прости-прощай, проспект Непокоренных!

Следующий день – суббота, и мы с Русланом ближе к вечеру выходим прогуляться до кондитерской. Во дворе вихрастый рыжий парнишка лет семи-восьми, прыгающий по лужам и гонящий голубей, бросает свои занятия и с задумчивым видом подходит к нам, на полном серьезе интересуясь у Руслана:

– Вы не могли бы сказать, каков результат сегодняшнего матча между «Спартак» и ЦСКА?

В ответ Руслан со знанием дела уведомляет парнишку о победе «Спартак» со счетом 1:0. Малолетний болельщик явственно огорчается, сообщив, что «это очень плохо, ведь „Спартак“ – один из главных соперников „Зенита“».

Удивившись такой сознательности в столь молодом возрасте, мы некоторое время обсуждаем ее по дороге до кондитерской «Север».

Комментарий Руслана

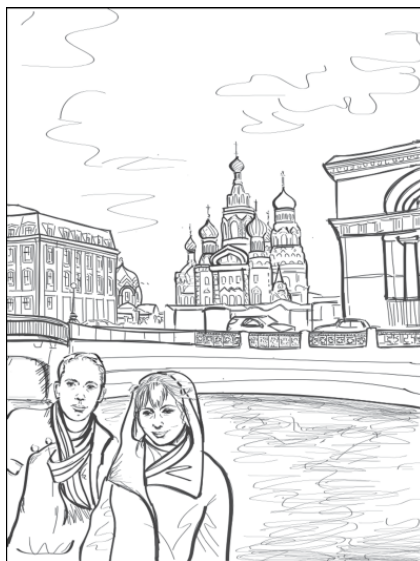
Петербургцы – особенные люди, видимо, интеллигентность впитывается с воздухом... Такие диалоги в другом городе даже представить сложно.

В «Севере» радостно покупаем эклеры, грушевое пирожное и торт «Наполеон». Дома страпаем пирожки из слоеного теста с ветчиной, сыром и укропом.

Через день я выхожу на работу и начинаю познавать все тяготы метро в час пик. Теперь это не настолько уютный и приветливый вид транспорта, как раньше: приходится терпеть и давку, и духоту. Однако люди все же вежливые, поэтому, если толпа и выносит тебя из вагона, делает это мягко и доброжелательно. Насколько это умеет делать толпа.

На работе я сижу в большой комнате, где помимо меня еще много девушек всех мастей. Увы, не все доброжелательны, некоторые просто мне неприятны. Начальница сменила красные очки на черные и загружена под завязку. На каждый мой вопрос отвечает, что все будет хорошо, и со временем я разберусь, что к чему. Пока получается не очень, но не теряю оптимизма. А в обед гуляю вдоль старинных кладбищ. Оказывается, на Смоленском православном кладбище находится часовня петербургской святой Ксении Блаженной, а еще похоронена няня Пушкина Арина Родионовна. Вот это да!

Май

Майское солнце

Май – время довольно знаменательное для Петербурга. Во-первых, это месяц рождения славного города, когда на северных финских болотах, обдуваемых ветрами, был заложен новый, невиданный ранее на бороdato-боярской Руси «парадиз». А во-вторых, май – начало по-настоящему теплой, уютной, напоенной радостью поры, когда уже зазеленели деревья в парках и садах, земля покрылась нежной травой, цветут первые тюльпаны, а воздух звенит предвкушением лета. И какие запахи носятся вокруг... От каналов, по водной глади которых деловито снуют прогулочные катера, пахнет свежестью и морем, а в садах и скверах – молодой листвой. Запахи счастья и новой жизни.

Еще май в Питере – это начало белых ночей, тех, легендарных, подпитывающих воображение писателей, поэтов, художников, музыкантов и просто романтически настроенных туристов. Помните пушкинское: «И ясны спящие громады пустынных улиц, и светла Адмиралтейская игла»? Белая ночь – словно рассвет, который начинается сразу, как только заканчивается день и вечер. Таинственно, непонятно. Ночи будто нет. Странное чувство нереальности происходящего, оттого на душе тревожно, но вместе с тем благотворно. Двойственное ощущение...

В мае Петербург блистает солнечными днями: солнце яркое, почти летнее, теплое, а порой и горячее. Питерское солнце в мае – особенная радость жителей города, в котором бывает, как утверждает статистика, всего лишь порядка шестидесяти солнечных дней в году. Солнечные блики, бегающие по каналам, восхитительно режут глаза и заставляют всех зажмуриваться и чихать. Будем здоровы!

Комментарий Руслана

Белые ночи – это что-то. Можно беспрепятственно гулять по центру, а если вы устанете – заглянуть в круглосуточное кафе или в «Буквояд», который тоже не «спит». Несмотря на всю красоту освещенного центра, фонари кажутся лишними – видимость прекрасная.

Харакири в Северной столице

Сегодня знаменательный день – посещение легендарного, знаменитого Мариинского театра. Билеты мы купили заранее, воспользовавшись кассой, расположенной в Гостином Дворе. Очень деловая женщина с высокой прической и стрелками на веках быстро вникла в нашу просьбу подобрать что-нибудь приемлемое по стоимости и скороговоркой предложила оперу «Мадам Баттерфляй» Пуччини: «Замечательный вариант, балкон, второй ряд, хорошая цена, лучше и не найти». Мы осмотрели представленный ценник и согласились с ней: Мариинский театр – дорогое удовольствие. Прославленный балет «Лебединое озеро» отложили до лучших времен, ибо на сэкономленную таким образом сумму можно неделю-полторы жить здесь и предаваться различным радостям.

День ветреный, пятничный, рабочий. Потому мы, слегка уставшие, но с удовольствием предвкушающие отдохновение для глаз, ушей, сердец и душ, двигаемся мерным галопом от Сенной площади до канала Грибоедова. Канал Грибоедова поражает воображение стройностью и изящностью расположенных на набережной исторических домов, архитектура которых довольно разнообразна. Также интересны пешеходные мосты, по стилистике отличающиеся один от другого. Нам особенно симпатичен висячий Львиный мостик с белоснежными львами, удерживающими цепи. Он похож на Банковский, и, оказывается, не случайно: львы – «братья» грифонов Банковского моста, так как создал их один и тот же мастер.

Вскоре мы проходим пересечение Львиного переулка и улицы Декабристов, потом – сквер с установленным здесь памятником композитору Глинке (рядом расположена Консерватория), и перед нами наконец Театральная площадь и Мариинский театр. Театр похож на корабль, плавно и царственно парящий, недостижимый и доступный одновременно. Возле входных дверей фланирует небольшая толпа: кто-то стреляет билетами, кто-то их предлагает, а мы сразу продвигаемся внутрь. Здесь вручаем билет девушке в форменной одежде театра ярко-изумрудного колера и отправляемся искать наш гардероб. Именно «наш», потому что гардеробов в театре несколько, на каждом ярусе и у каждой ложи – свой. Миниатюрный гардероб и такое же милое буфетное окошко с бутербродами и газированной водой по неоригинальным ценам (каждая единица товара – по сто рублей, видимо, в целях облегчения жизни иностранных туристов, плохо ориентирующихся у русских прилавков).

Кругом витает дух старины, чего-то несовременного, словно ты находишься в музее.

И вот мы в ложе и восхищенно оглядываемся вокруг: зал великолепен, кругом позолота, сцену закрывает бархатный темно-синий занавес. Общий колер – голубой с золотом. Прекрасны бывшие императорские ложи с роскошными балдахинами. Все красивое, но не блестит или сверкает, а кажется будто припорошенным пылью времен. В царской ложе сживал император Александр II, в честь жены которого театр назван Мариинским, а на сцене танцевала Анна Павлова или пел Федор Шаляпин...

Начинается первое отделение, в котором разыгрывается история любви и трагедии мадам Баттерфляй. Раньше, слушая оперу в родном Екатеринбурге, в тамошнем театре, я отчаянно скучала; однажды даже уснула, помнится, на «Дон Жуане», как ни стыдно признаться в этом. Но сейчас... Голоса у артистов великолепны, а пение на итальянском звучит словно соловьиная трель. Декорации минималистичны, но яркость и насыщенность красок делают картину совершенной и завершенной, будто пазлы встают на определенные места. Японская тематика создает необычный колорит: певицы одеты в кимоно, а на заднике сцены изображены иероглифы.

В антракте мы, вдохновившиеся увиденным и услышанным, спускаемся по одной из узких лесенок и оказываемся в зале, который можно назвать «белым» из-за множества белых барельефчиков. Некоторое время рассматриваем богатый музейный декор и публику, одетую, за редким исключением, довольно просто. Исключение демонстрируется в виде маленьких

черных платьев, ниток жемчуга и фраков с бабочками. Раньше в театр было принято «нарядиться», теперь же можно придерживаться более демократичных взглядов на одежду, прическу и обувь. Однако для некоторых театр и сейчас – повод себя показать. Ну а мы на них полюбуемся.

Во втором действии спектакля происходит сюжетный поворот, созданы все предпосылки для трагического финала. Бедная мадам «Бабочка» ждет своего возлюбленного, не ведая, что он уже ее предал, женившись на другой.

Во втором антракте мы располагаемся в буфетном зале, где не спеша вкушаем сторублевые бутерброды и глазеем (надеюсь, не слишком назойливо!) на иностранцев, которых видно издали по особенно повязанным шарфикам и специфичным прическам. Фраками и жемчугом здесь уже и не пахнет.

В третьем отделении Чио-Чио-Сан, узнав наконец страшную правду о Пинкертоне, делает себе харакири. Позади нее в этот трагичный момент вырастают две колонны, из-за которых выглядывают фигуры гигантских устрашающих существ, призванных, видимо, олицетворять демонов в душе несчастной мадам. В конце действия сцена окрашивается в ярко-красный цвет – цвет крови. Потрясенные накалом страстей и переживаний, мы одеваемся и спускаемся вниз.

Спектакль оставляет ощущение солоноватого привкуса во рту, будто до крови прикусил губу. Точный, драматичный и красивый по форме и содержанию: Мариинский театр горделиво и с достоинством поддерживает свою репутацию. А мы, кажется, прикоснулись к Высокому Искусству, по крайней мере, так нам, неискушенным и неизбалованным настоящей оперой, начинающим театралам, видится сейчас.

Внизу в фойе мы разглядываем бюст императрицы Марии Александровны, имя которой дало название театру, а потом выходим на улицу. Вечерняя Мариинка ярко и гостеприимно освещена: это все тот же горделивый корабль, но словно слегка уставший, расслабленный, довольный прекрасно проведенным спектаклем и восхищенными зрителями, оставившими в стенах театра сильные положительные эмоции.

Комментарий Руслана

Мариинский театр продолжает поддерживать славные традиции – планку взяли и держат очень высоко. Билеты туда лучше заказывать заранее, предварительно высмотрев их по Интернету, ибо в кассах (наиболее удобная из которых расположена в центре города, в Гостином Дворе) вам могут попытаться продать более дорогой вариант, особенно если заметно, что вы турист. Кстати, в театре существует возможность прикупить себе компакт-диск с записью оперы или балета с фирменным лейблом Мариинки.

Мы мысленно желаем Мариинскому театру спокойной ночи и выходим к каналу Грибоедова, переливающемуся огнями. Завтра суббота, и нас ждет сон до обеда, релакс и Питер. Именно в таком порядке.

Обед из огуречника

У Петербурга столько милых и симпатичных особенностей, что всех и не перечислишь. Постепенно узнавая и постигая этот город, влюбляешься в него все больше – из-за довольно скромных, на первый взгляд, мелочей, штрихов, черточек, которые, однако, создают особую легкую атмосферу города.

Например, весна здесь примечательна не только приходом тепла, зелени, цветов и прочей радости, но и корюшкой. Корюшка – рыбка с виду неприметная, зато вкусная и очень капризная, так как ловится на Ладоге только во время короткого весеннего нереста. Процесс ловли корюшки – прямо-таки священнодействие. Оригинальность рыбы – в дразнящем запахе свежих огурцов, который в мае доносится с лотков у каждой станции метро, окружает жителей и гостей Северной столицы ароматным колпаком. А если на соседних лотках еще и свежая турецкая клубника громоздится, то вообще пиши пропало! Каждый раз облизываешься, будто кот на сметану.

За специфичный запах корюшку еще называют огуречником.

Словом, рыбка притягивает, словно магнит, однако купить и приготовить мы не решаемся. А вот посетить фестиваль корюшки, который ежегодно проводится в «Ленэкспо», нам, любителям новых мест и неизведанных ранее троп, очень интересно. На фестивале обещают праздник и много-много рыбы во всех видах: жареной, копченой, вяленой и так далее... Слюнки текут!

Комментарий Руслана

Весенний запах огурцов – вполне обыденное явление. Поскольку эту рыбку продают везде, пройти мимо невозможно – так что и не проходите: хотя бы один раз попробовать ее стоит. И не бойтесь, что пропахнете рыбой, – это местный аромат, как, например, Chanel в Париже.

Начинается наш путь у метро «Приморская», где я пытаюсь совместить полезное с приятным, а именно – отыскать значащийся здесь по карте фирменный магазин фабрики Крупской. Однако, упс! – магазин давно прекратил свое существование, так что покупка предвкушаемых мною конфет переносится на неопределенный срок. Припекаемые ярким солнышком, мы, согласно GPS-навигатору, двигаемся в сторону «Ленэкспо» по Наличной улице. Вокруг дома советской постройки и широкие тротуары, любоваться особенно нечем.

Территория выставочного центра огорожена и вход платный, что несколько разочаровывает: внутри-то тоже все платное. С несколько подпорченным впечатлением мы оказываемся на огромной лужайке, где, о-о-о... Вот она, корюшка, на каждом углу, жарится на десятках жаровен! Запах стоит волшебный. Посетителей много: люди стоят, сидят на травке, прислонившись к деревьям, и едят, едят жареную корюшку, запивая преимущественно холодным пивом. Вид довольно аппетитный. Мы судорожно сглатываем слюну и бодро двигаемся дальше: решаем осмотреться и понять, где лучше присесть-привстать в обнимку с тарелочкой, полной рыбки.

В центре лужайки установлена сцена с большим экраном, на котором транслируется матч «Зенита», и Руслан немедленно впивается жадными глазами в экран. Я какое-то время приплясываю рядом в нетерпении, жалобно поглядывая на счастливых обладателей полных тарелок. Наконец мы отходим от сцены, покупаем две тарелочки корюшки и кидаем якорь на двух пластиковых стульях, стоящих прямо на траве. И для нас наступает счастье... Корюшка хрустящая, соленая и сочная внутри. Мы доедаем последние остатки, блаженно вытягиваем ноги, закрываем глаза и греемся на солнышке, словно два кота. Прочие коты также наслаждаются корюшкой и жизнью и никуда не торопятся.

Через какое-то время мы все же отрываемся от удобных стульчиков и бредем дальше, обдумывая, чем бы еще поживиться. В конце концов в одной из палаток мы покупаем копченую корюшку, и одну рыбину я тут же съедаю, с головой, костями и громким хрустом. Кажется, во мне проснулись кошачьи инстинкты... Помахивая пакетом, полным рыбы, мы выходим к кусочку Финского залива, закованному здесь в бетон. Пахнет морем, а на бетоне сидят веселые компании, предпочитающие рыбе спиртное в большом количестве.

Слегка утомленные, но довольные, теперь мы совершаем марш-бросок пешком до метро «Василеостровская». Идем по Большому проспекту и любуемся окружающими домами: архитектура затейлива и своеобразна. Вспоминается, что Васильевский остров – один из самых старинных районов Санкт-Петербурга, оттого здесь особая атмосфера. Некоторые здания поражают воображение: например, дом под № 88 темно-красного кирпича готического вида – монументальный, с башней и многочисленными шпилями, торчащими из крыши дома, словно колья. Зрелище устрашающее. Или вот пожарная часть Василеостровского района: из красного кирпича, с высокой каланчой, доминирующей над окружающими строениями, и датой постройки на фасаде – «1884». Интересно.

Кругом много прогулочных дорожек, зелени, деревьев, аллей и скамеек. Скамейки на каждом шагу, и наши измученные долгой ходьбой организмы готовы прыгать от счастья. Что еще нужно уставшему человеку по пути, как не хорошая, удобная, свободная от претендующих на нее таких же утомленных долгой ходьбой страдальцев, скамейка?

Заканчивается наша дорога возле Андреевского собора, где мы сворачиваем на любимую мною лиственную аллею. По ней я частенько добираюсь с работы: отсюда легко попасть в центр города. На аллее шумят фонтаны, гуляют толпы туристов и местных жителей, а фасады домов пестрят разноцветьем красок и архитектурных стилей. Памятник бомбардиру Василию – символу Васильевского острова – мирно соседствует с вполне современным зданием. Возле метро привлекает внимание памятник конке – эдакому виду городского транспорта образца XIX века: синий вагон с рекламными плакатами, запряженный парой резвых лошадей.

Не менее резвый вид современного городского транспорта – метро – довозит нас, отчаянных «пешеходов», до станции «Чернышевская», откуда мы лошадиным же галопом несемся в сторону фирменного магазина сладкого на улице Пестеля: несостоявшиеся сегодня у метро «Приморская» конфетные кущи манят своими райскими садами и не дают покоя. Копченая корюшка, мирно лежащая в пакете, словно говорит мне: «Я вся твоя, съешь меня дома, да поскорей, с горячей картошечкой, под бутылку легкого пива... Зачем тебе эти дурацкие конфеты? Разве может что-нибудь быть вкуснее меня?» Я в ответ мысленно ухмыляюсь, ведь вкусней конфет могут только конфеты, и ничто иное. Аминь.

Увы, эти аффирмации¹ по дороге не спасают: конфетный магазин оказывается наглухо закрытым, так что вечер мы будем коротать в компании одной только корюшки. И холодного пива, разумеется.

¹ Аффирмация – краткая фраза, которая при многократном повторении закрепляет требуемый образ или установку в подсознании человека.

Театр начинается не с вешалки

Мы продолжаем исследование петербургских театров, и на очереди еще один старинный, прославленный и знаменитый – Александринский. Его смело можно назвать дедушкой всех российских театров, так как он был первым, учрежденным еще при императрице Елизавете Петровне. Здание для театра построил великий Карл Росси, и это прекрасное сооружение занимает сейчас одно из центральных мест в ансамбле великолепного Невского проспекта.

Билет в Александринку мы сначала пытаемся приобрести в нашей любимой театральной кассе на Невском. Кассир предлагает перечень спектаклей, и мы выбираем классику – «Укрощение строптивой» Шекспира в постановке литовского режиссера Оскараса Коршуноваса. Однако когда дело доходит до покупки билетов, обычно легкий и приятный процесс вдруг начинает стопориться: кассир соглашается продать нам соседние места только при условии, что это дорогой партер. Демократичные билеты в ложу предполагают рассадку друг за другом. И не иначе. Разочарованные, мы отправляемся в кассу самого Александринского театра, и здесь – в гулком, пустом, тихом помещении, где явно витают призраки прошедших дней, – сидящий за окошечком кассир поясняет нам: театр классический, а потому рассадка зрителей подчиняется определенной логике, происходящей из глубин образования и становления российского театра. Словом, «дедушка» довольно капризен и диктует собственные правила для своих посетителей. Мы стоим возле кассы и, кусая губы, обдумываем, подчиниться ли дурацким правилам или просто оставить Александринку за бортом нашего театрального петербургского исследования. Однако побеждает дружба: кассир выискивает удачную боковую ложу, где билеты на задние места уже распроданы, остались лишь передние, а в этом случае «дедушка» не возражает против рассадки пары рядышком. Билеты переключиваются в наши карманы, и мы, довольные жизнью, покидаем театр.

День Икс, когда нам надо прибыть в театр к семи вечера, вновь оказывается рабочим. Руслан добирается до Невского проспекта гораздо быстрее меня, успевает забежать в блинную «Теремок», перекусить и купить мне блинчик с вареньем. Я же мчусь с работы галопом, долго стою в импровизированной очереди у входа в метро «Василеостровская», нервничаю и отчитываюсь Руслану по телефону.

В театр мы вбегаем с последним звонком. Про блинчик с вареньем, увы, приходится забыть. Тут же, разгоряченные и смятенные, попадаем в объятия пожилого величественного мужчины в смокинге, белоснежной рубашке, белых перчатках и бабочке. Это человек, которого, как оказалось позже, невозможно встретить более ни в одном театре Петербурге, и имя ему гордое – капельдинер. Капельдинер степенно ведет нас в обитую красным бархатом ложу, усаживает на отведенные места и чуть ли не пальцем грозит на прощание, такой строгий у него вид. Мы затихаем и тарачимся на фрак и бабочку, пока за капельдинером не закрывается дверь ложи, которую он вдобавок запирает на замок.

Начинаем разглядывать театральный зал сверху: здесь тоже преобладает красный бархат, придающий праздничный вид. Царская ложа с балдахином – тоже ничего себе, явно не для простых зрителей. Проходит некоторое время, а спектакль все никак не начинается. Мы, однако, терпеливы, не теряем присутствия духа и с интересом наблюдаем небольшой скандал, зарождающийся внизу, в партере. Нетрезвого вида парень в мятой футболке и джинсах и с полной бутылкой чего-то крепкого яростно ругается с женщиной-капельдинером, требуя усадить его на место. Женщина в ответ на состояние парня «щас спую» пытается вывести его из зала. Парень орет, что у него билет, и посылает ее в... Ну сами понимаете, куда. Женщина тоже переходит на крик и с воплем «Я зову охрану!» убегает. Окружающие заинтригованы и со смаком наблюдают, что будет дальше. Парнишка между тем развязной походкой преспокойно направляется в глубь партера и начинает приставать на предмет подвинуться к мужчине, уютно

устроившемуся на одном из диванчиков в полном одиночестве. Зритель не хочет его себе в соседи, краснеет, бледнеет и упорно выпроваживает. Они какое-то время спорят, и парень оставляет мужчину в покое, вновь взяв курс в сторону сцены. Здесь он, пошатываясь, взгромождается на подмости, поворачивается к залу лицом и начинает с пьяным придыханием вспоминать какую-то свою любовь, приключившуюся с ним на заре туманной юности. Как бы в тему к сегодняшнему спектаклю. Зрители сидят ошарашенные. Паренек продолжает разглагольствовать на извечную тему «мужчины и женщины», и тут до всех потихоньку доходит, что это, собственно, и есть начало спектакля. Первое действие «Укрощения строптивой» началось довольно незаметно! То есть... очень заметно.

Происходящее на сцене далее подтверждает наши догадки о том, что спектакль – авангардный. Авангард – страшное слово, которым папа пугал меня, когда вспоминал историю посещения одного театра в Питере: когда он был в очередной командировке, ему посчастливилось попасть на спектакль некой молодежной труппы. Привыкший к классическим постановкам и вмняемым сюжетам, папа в смущении обнаружил, что со сцены, оказывается, можно кидаться сырой рыбой, а артистам не возбраняется разгуливать полуголыми. И это – тоже Высокое Искусство. С тех пор папа не переносит слова «авангард».

Рыбу со сцены между тем не кидают (и на том спасибо!), но странные персонажи, необычные декорации, сюжет, за которым мы не успеваем следить – настолько он стремительно меняется – все слегка ошарашивает. И это Уильям Шекспир? Реквизита здесь задействовано столько, что им можно было бы снабдить спектаклей десять, наверное. Хотя не каждой пьесе подошли бы торсы статуй, гипсовые лошадиные морды, бюсты великих людей и вешалки-манекены. А еще здесь присутствует большая железная клетка, с помощью которой актеры проделывают акробатические трюки, умудряясь зачитывать при этом прекрасные по драматизму диалоги.

Мы в легком шоке от быстроты действия, кучи странных образов и лошадиных морд. Но играют артисты замечательно, как по нотам, и это делает спектакль талантливым и необычным. Очень нравится момент, когда происходит собственно то самое «укрощение строптивой», и капризница Кэт (яркая и интересная актриса) становится в общении со своим мужем ласковой и прямо-таки шелковой. В конце спектакля она появляется в роскошном платье, напоминая фигуру белой королевы на шахматной доске.

Ошарашенные, мы выходим из сверкающего огнями Александринского театра и дружно решаем, что постановка – удачная и интересная. Хотя... поменьше бы пресловутых лошадиных физиономий, смущающих неискушенного зрителя от начала и до конца действия! Такой классический традиционный во всех внешних проявлениях театр-«дедушка» – и абсолютно отвязная авангардная «молодежная» постановка на сцене. Интересно, как наш благообразный капельдинер отозвался бы о спектакле? Не почесываются ли у него каждый раз под классическими белыми перчатками ладони – найти и отшлепать, будто малое дитя, того самого режиссера-постановщика Коршуноваса (кстати, довольно прославленного!), который так вольно трактует великого Шекспира?

Комментарий Руслана

Поскольку авангард полезен далеко не всем, особенно приезжим, учтите – Александринку стоит посещать, только если вы ценитель современного театра либо ваше сознание просто открыто для нового и неизвестного. Непосвященный будет шокирован.

P.S. А нам понравилось!

Хочется есть: вспоминаю про давешний блинчик. Увы, Руслан торопится домой, где скоро начинается трансляция какого-то суперважного футбольного матча. В метро думаю о прошедшем спектакле и блинчике. Рядом едет симпатичная девушка с котом-сфинксом на

руках: у него огромные уши, выразительная характерная мордаха и презрение во всей позе. Окружающие подмигивают коту и улыбаются. Строптивый, думаю я, и тоже улыбаюсь.

На улице свежо, пахнет зеленью и городом. Мигают рекламные вывески, уютно светится витрина «Кофе-хауза», который и в полночь не пустеет (спасибо круглосуточному wi-fi). Небо темное, но чувствуется скорый приход очередной белой ночи, когда город наводнят сумерки и призраки...

Дома в холодильнике лежат помидоры, лук и маринованные оливки в банке. Готовить не хочется, но я мужественно иду на кухню и крошу и помидоры, и лук, добавляю оливки, а сверху – несколько капель оливкового масла. Получается роскошный салат, к которому очень даже неплохи сосиски из магазина. Мы ужинаем. Руслан смотрит футбол, а я думаю об «Укрощении строптивой». Если, по Станиславскому, театр обычно начинается с вешалки, то по Коршуну-васу – скорее, с... лошади.

Италия в кармане

Культурную программу мы продолжаем посещением Малого зала Санкт-Петербургской филармонии, где слушаем вокалистов из Мариинского театра, исполняющих арии из опер итальянских композиторов. Также оцениваем внутреннее убранство филармонии: несколько залов разных цветов, лепнина и орнаменты. Ставим мысленно пятерку красоте убранства, итальянской опере и замечательным голосам артистов, еще долго звучащим соловьиными трелями в голове. Прекрасное времяпрепровождение.

Еще у нас припасены билеты в Михайловский театр на оперу «Любовный напиток» Гаэтано Доницетти. Режиссер-постановщик – итальянец, поэтому ждем этого события с нетерпением.

Михайловский театр находится на площади Искусств, рядом с любимым нами сквером с памятником Пушкину. Это настолько компактное, красивое и гармоничное пространство, что мы не устаем им восторгаться. Внешний классический вид театра, выполненный по проектам Карла Росси, контрастирует с внутренним убранством: красный бархат, зеркала, хрусталь и лепнина. Словом, внутри театр нас восхищает. Не радуется только сама постановка: главная героиня, поющая нежным и сильным сопрано, хороша, но герой... У него частенько перехватывает дыхание при исполнении какой-нибудь особенно сложной арии, и это смотрится грустно и жалко. После блистательной Мариинки мы стали взыскательными слушателями оперы. Симпатичны, пожалуй, декорации к спектаклю: довольно пасторальные картинки в стиле Франсуа Буше. Сюжет незатейлив, а потому особенно не увлекает.

Покидаем театр с некоторым разочарованием, которое заедаем дома жареным хлебом и соусом из майонеза, чеснока и зелени.

Комментарий Руслана

Да, Михайловский не порадовал – пафосно, но безвкусно. Раз уж в данной книге еда в почете, то ассоциации такие: как будто из эклера вынули весь крем. Но с учетом постоянных перестановок в театральном мире, возможно, к моменту прочтения этих строк он будет одним из лучших театров города.

Однако любопытство ко всему итальянскому через день приводит нас на открытый урок итальянского языка, который проходит в библиотеке им. Маяковского на Фонтанке. Мы попадаем сюда по обычному флаеру, которые раздают на улице. Библиотека расположена в одном из красивейших зданий, украшающих набережную Фонтанки возле Аничкова моста. Внутри же это... обыкновенная российская библиотека: с гулкими коридорами, запахом пыли и интеллигентными пожилыми гардеробщицами.

Занятие проводится в учебном зале с расставленными у стены стульями. Всего присутствует человек двадцать – таких же, как и мы, интересующихся итальянским. Ведущая встречи – преподаватель учебного центра итальянка Лючия – на смеси русского и итальянского языков рассказывает об Италии так вкусно и интересно, что слюнки текут. Итальянский язык – безумно красивый и экспрессивный, при этом не только речь, но и жесты имеют огромное значение! Во время встречи Руслан знакомится с соседом – скромно одетым мужчиной лет сорока. Он рассказывает Руслану, что по профессии музыкант, некоторое время жил в Италии, но недавно вернулся в Питер. На вопрос «почему» отвечает, что в Италии ему не хватало театров и красивейшей питерской архитектуры, на фоне которой прошла вся его предыдущая жизнь. Также мужчина делится впечатлениями об итальянцах, в основном положительными, и рассказывает несколько забавных историй, связанных с его итальянскими знакомыми.

Слушая вполуха соседа-музыканта, вполуха – Лючию, я приятно провожу время. Вскоре, однако, приятности добавляется: Лючия собирается показать нам, зрителям, как в Италии

готовится настоящее пирожное тирамису. Для этого она собирает на отдельном столике следующие ингредиенты: печенье «дамские пальчики», сыр маскарпоне, яйца, сахар, ром, кофе эспрессо, какао и плитку темного шоколада. Комментируя каждый шаг, Лючия готовит самое знаменитое пирожное современности: отделяет белки от желтков, взбивает желтки с маскарпоне, добавляет взбитые белки и ром. Затем обмакивает «пальчики» в кофе, укладывает на дно посуды и поливает сверху полученным кремом. Затем снова слой печенья и слой крема. Сверху блюдо посыпается какао и тертым темным шоколадом. В комнате веет приятным ароматом сладостей... Желудки у нас с Русланом сжимаются, судя по лицам окружающих – у них тоже. Но Лючия нежадная: она быстро и профессионально разрезает полученный чудодесерт на кусочки, жестом фокусника достает откуда-то одноразовые тарелки и вилки и передает тирамису всем присутствующим по очереди. Комната наполняется вздохами и тихими восторженными восклицаниями: тирамису божественно! Мягкое, нежное, свежее лакомство – словно привет из далекой, незнакомой нам еще Италии. Соседу-музыканту, похоже, тоже нравится: лицо его становится мечтательным. Возможно, сейчас его посещает легкая приятная ностальгия по стране, где все говорят на чудесном итальянском и поедают тирамису? Кто знает...

Комментарий Руслана

То, что в Питере можно найти занятие по душе, – не секрет, а вот то, что любое, даже экстравагантное, занятие находит несколько десятков почитателей, – уже открытие. В общем, чем бы вы ни занимались, единомышленников найти несложно. Интернет в помощь.

По дороге домой мы, вдохновленные этим днем, решаем приготовить дома итальянский ужин: покупаем бутылку белого итальянского вина и сооружаем пасту. Обжариваем в оливковом масле на сковороде свежий чеснок, помидоры и ветчину, добавляем сваренные макароны (степень готовности – *al dente*) и посыпаем сверху тертым сыром. Некоторое время паста томится под крышкой, сыр плавится, и – готово. Вкусно – не описать!

Мокрые курицы на Невском

Наконец наступает момент, который мы, новоявленные петербуржцы, ожидали с нетерпением – День рождения города. Мы заранее изучили программу мероприятий и решили, что постараемся по максимуму все посмотреть и послушать: поучаствовать, так сказать, в празднике города, который нежно любим.

Мероприятия начинаются с пятницы, которая, увы, рабочий день. Но на вечер запланирован фейерверк на стрелке Васильевского острова, что не может не радовать. Чтобы скоротать время до начала этого события, мы решаем посетить праздничный концерт в Капелле Санкт-Петербурга.

Капелла находится на Мойке, прямо за Дворцовой площадью, поэтому от работы я двигаюсь пешком своим излюбленным маршрутом: мимо метро «Василеостровская», по прелестной лиственничной аллее, тянущейся по 6-й линии до Андреевского собора, и далее – по Университетской набережной до Дворцового моста.

Университетская набережная – роскошное место для любителя старинной архитектуры и красивых видов.

Начинаю, конечно же, со сфинксов. Найденные при раскопках в Фивах древние мифологические существа, история которых насчитывает три с половиной тысячи лет, прибыли в молодой еще тогда город Петербург и так органично заняли свое место на пристани набережной, словно родились здесь. Загадочные сфинксы дополняют облик Северной столицы, придавая ей еще больше мистики, непостижимости и тайны. Я всегда внимательно вглядываюсь в их лица с полуприкрытыми глазами, словно пытаюсь понять или почувствовать нечто важное, особенное, прикоснуться к древней тайне, которая, конечно же, несет в себе чудеса и может озарить нашу современную повседневную и скучную жизнь.

Напротив сфинксов возвышается классическое величественное здание Академии художеств с фигурой Минервы на сверкающем на солнце куполе. Хочется вздохнуть с легкой грустью: в детстве я мечтала быть художником, смотрела на представителей этой славной профессии, как на небожителей, а в стенах заведения, мимо которого я сейчас прохожу, они, собственно, и пестуются. Петербург тем и примечателен: вспоминаются и оживают детские мечты... Возможно, возврата к ним уже не будет никогда, но вспомнить о них приятно. Как и приятно вернуться, пусть и ненадолго, в пору детства.

Двигаясь далее этим маршрутом, я могу полюбоваться чудесным Румянцевским садиком с чугунной решеткой и установленным в центре обелиском.

Следующая за садом и Кадетским корпусом усадьба «светлейшего князя» Меншикова тоже радует глаз пышностью архитектуры и обрамляющей ее зеленью деревьев.

А теперь я оборачиваюсь к Неве и останавливаюсь на пару минут, несмотря на то что тороплюсь. Открывающийся вид настолько поражает воображение, что каждый раз слезы навертываются на глаза: широкая просторная Нева-красавица переливается, блестит, и по глади ее, не спеша, вспенивая темно-синюю воду, идут суда, пароходы, катера; стройный ряд домов красивейшей архитектуры на противоположном берегу прямо-таки ласкает взгляд; и, конечно же, Исаакиевский собор, купол которого победоносно сверкает в лучах солнца, то появляющегося, то скрывающегося в прозрачном вечернем питерском небе. Раньше, помнится, я не любила Исаакий. Нет, я отдавала должное его красоте и величию, но более впечатляющим считала Казанский – старинный, уютный, намоленный. Однако теперь... Я не могу налюбоваться Исаакиевским собором. И готова восторгаться им снова и снова.

Продолжаю свой путь. По левой стороне позади остается здание Кунсткамеры, а за ним – Ростральные колонны с полыхающим пламенем ярких факелов, зажженных, видимо, в честь Дня города.

Дворцовый мост, как всегда шумный и немного помпезный, зато, переходя его, можно продолжать любоваться Невой и катерами. Открывающаяся вскоре моему взору Дворцовая площадь огорожена непонятными конструкциями, которые я медленно и бестолково обхожу: что-то надумали устроить здесь городские власти, чтобы порадовать жителей и гостей города?

Капеллу я тоже не сразу нахожу, хотя ее точный адрес у меня есть: изящный вход в здание концертного зала прячется в глубине небольшого двора, закрытого красивой решеткой. Я опять опаздываю, и Руслан, приплясывая от нетерпения, поджидает меня у дверей.

Вскоре мы уже внутри, сидим на отведенных нам местах и разглядываем пышно декорированный зал, спроектированный в свое время одним из представителей семейства знаменитой фамилии Бенуа. Концерт «Музыка Санкт-Петербурга» оказывается академическим и довольно своеобразным: композиции посвящены Великому городу, и часть из них – просто прелесть, а часть довольно сложна для восприятия и оставляет чувство недоумения. Например, «Петербургский ноктюрн» с переложенными на музыку грустно-тоскливыми стихотворениями Блока и Есенина, исполненными сопрано. Несчастливая исполнительница страшным голосом вещает недоумевающему залу про «ночь, улицу, фонарь, аптеку» и «черного человека». Зрители в зале поеживаются, уж очень натурально у нее выходят эти образы. Оперный рэп какой-то. Все облегченно вздыхают, когда сладостная пытка заканчивается. В антракте мы радуемся местному буфету, предлагающему аппетитные пирожки по двадцать рублей (какой контраст с театральными буфетами!). Мы прихватываем парочку пирогов с собой, и все второе отделение концерта они греют наши души предвкушением легкого перекуса, который восстановит силы изголодавшего за день организма. Словом, морально и физически мы к предстоящему салюту готовы: немного обогатились духовно и позаботились о хлебе насущном.

Комментарий Руслана

Когда мы пришли на концерт, на нашем месте сидел с виду ничем не примечательный человек пожилого возраста – пришлось попросить освободить законные сиденья. Лишь потом, когда он вышел на сцену, мы поняли, что это был Анатолий Королев, известный петербургский композитор. Это к вопросу о близости культуры...

После окончания концерта выходим из здания Капеллы, не спеша, прогуливаясь, минуем площадь и оказываемся на Дворцовом мосту, а затем на – Стрелке Васильевского острова. Кругом – толпа народа, в основном молодежи, и все тусуются. Ощущение, что многие из них решили перещеголять друг друга в манере одеваться и вести себя. Вот две девушки целуются, хотя выглядят при этом, как два мальчика. Я долго пытаюсь понять, кто из них кто, но так и не могу разобраться. Один бравый мужчина в кожаном пальто «а-ля матрица» и шляпе «а-ля Боярский», похоже, прекрасно чувствует себя на промозглом вечернем ветру, дующем с Невы, хотя смотрит при этом как потрепанный жизнью Джеймс Бонд.

Глазея на окружающих, мы проходим Биржевой мост и оказываемся на Мытнинской набережной у старинного корабля, пришвартованного здесь, видимо, навеки и играющего теперь роль ресторана и фитнес-центра. Очень оригинально! Ресторан заманивает гостей с помощью девушки-факира, артистично извергающей пламя двумя газовыми арбалетами на ковровой дорожке у входа, по бокам которого расставлены горящие свечи.

Мы же возвращаемся на Стрелку и видим, что желающих посмотреть фейерверк прибавилось не только «на суше», но и на «море», то есть на Неве: множество моторных лодок, катеров, просто каких-то судов покачивается на воде, подмигивая огнями в наступающей дымке белой ночи. Зрелище увлекательное, не хуже предстоящего салюта.

Фейерверк оказывается сказочно хорош: звучит музыка, Ростральные колонны горят, и разноцветные огни всевозможных форм и размеров радуют глаз. Особенно симпатичны те, что в виде звезд. Грохот взрывов длится минут десять, до нас периодические долетают кусочки

обгорелых фантиков, видимо, остаточные явления фейерверка, и мы жмуримся, защищая глаза. Вскоре все стихает: последние звезды дрожат и тают, оставляя мутный свет в сумеречном небе. Зрители постепенно расходятся, еще быстрее уплывают всевозможные речные суда, и мы бредем к Невскому проспекту, уставшие, но зато с праздничным настроением. Кажется, что прошло несколько дней с тех пор, как я выходила сегодня с работы: настолько удалось отвлечься от серых будней. Питер дает для этого все возможности, только протяни руку.

Комментарий Руслана

Вообще я не фанат фейерверков – но над водой даже обычные огоньки превращаются в красочный фонтан. Поэтому рекомендую смотреть крупные торжества-салюты только на свежем воздухе.

Дома я готовлю жульен: кусочки слегка обжаренных на сковороде курицы, шампиньонов и лука смешиваются на противне и заливаются смесью из молока и чуть-чуть обжаренной муки, далее солим, перчим, посыпаем сыром и ставим в духовку. Блюдо – объедение! К нему хорошо картофельное пюре. Можно еще овощной салатик порезать. Словом, вечер пятницы продолжается так же приятно, как и начался.

А потом можно выпить чаю с конфетами. Конфетами? Конфетами!!! Оказывается, что их почти нет – кончились, хотя последний наш поход в фирменный магазин фабрики Крупской был относительно недавно. Приходится запланировать на завтра еще один поход. Круговорот «конфетных походов» в природе...

Назавтра мы спим так долго, будто решили побить некий рекорд. Длинный неспешно-ленивый обед плавно перетекает в ужин, и мало того что мы пропускаем мероприятия, посвященные Дню города, но я еще и спохватываюсь, что время близится часу закрытия конфетного магазина. А целый вечер без конфет мне не прожить. Поэтому я оставляю Руслана собираться, сама бегу-лечу к метро, а оттуда – в центр. Выхожу, и меня поражает картина, ранее не виданная нами в этом городе: перекрытый для автомобильного проезда Невский проспект. Оказывается, чтобы оценить всю широту и величие главного проспекта города, надо увидеть его в таком виде. Зрелище просто потрясающее! Толпа людей заполнила проспект по всей ширине и длине, бурлит, движется, течет, словно полноводная Нева.

Я быстро, аж пятки сверкают, бегу, лавируя между людьми, и вскоре оказываюсь на канале Грибоедова, а еще через пару минут – у Михайловского сада. Конфетный магазин закрывается по расписанию – через полчаса, по моим прикидкам – минут через двадцать: водится такой грешок за тамошними продавщицами. Я планирую быстро пробежать через Михайловский сад, а там уже и Фонтанка, и улица Пестеля, но... сад сегодня платный. Стоимость входа порядка двухсот рублей, там выступают какие-то итальянские певцы и проводится выставка итальянского садового искусства. Ее, видимо, и представляют кипарисы и пальмы возле беседки сада, хорошо видные с противоположного берега реки Мойки, где я сейчас пробегаю во всю прыть, кляня все итальянское, так не вовремя вмешавшееся в мою жизнь.

В магазин я успеваю до закрытия и выхожу из него слегка взмыленная и помятая, зато сжимая в руках увесистую пачку конфет. Руслан ждет меня возле Чижика, и мы, полюбовавшись на Фонтанку, неспешно направляемся на Марсово поле.

На Марсовом поле восхитительно: аккуратно подстриженные газоны, стройные деревья, пышные кусты сирени и компании расслабленных отдыхающих, расположившихся на многочисленных скамейках или просто на траве под сиренью. Нежный запах сирени везде. Он господствует, доминирует, успокаивает... Ароматно и красиво. Ряд стройных, выходящих противоположным фасадом на Неву домов, в основном зеленого оттенка, аккомпанирует Марсову полю, что придает еще больше гармонии и завершенности образу этого места. Красота в гармонии, как ни банально это звучит. Мы замираем, жизнь вокруг замирает, и на минуту остаемся лишь мы да красота. И плавно обволакивающий все запах сирени...

По Миллионной улице мы идем в сторону Дворцовой площади, мимо атлантов Эрмитажа и застаем на Дворцовой площади представление в самом разгаре: выступают цирковые студии Марселя. На грустных французских клоунов артисты мало похожи, скорее, на гимнастов, использующих в качестве подставки ту огромную штуковину, увиденную нами здесь вчера. От конструкции тросы тянутся к крану высотой с Александровскую колонну, стоящему, в отличие от конструкции, не с края площади, а посередине. Клоуны – с белыми лицами, в белых костюмах и со смешными перьевыми крылышками – ползают по конструкции, летают и спускаются, совершая в воздухе немыслимые пируэты, причем как со страховочными тросами, так и без них. Зрелище очень красивое: фоном льется какой-то современный французский поп и рок, и фигуры в белом, романтично обвиваясь вокруг друг друга, садятся в воздухе на шпагат и вытягивают по-балетному ноги. В конце представления один из артистов, одетый как клоун в привычном для нас понимании – в нечто ярко-оранжевое – оседлал привязанный к тросу велосипед и по воздуху покатил к Александровской колонне. Зрители вокруг дружно вздыхают и аплодируют.

Увиденное потрясает нас до глубины души своей необычностью: никогда ранее ничего подобного мы не видели воочию, телевизор и Интернет не в счет. На представлении прославленного «Cirque du Soleil» побывать пока не довелось... Кажется, будто мы только что открыли для себя небольшой кусочек нового мира, который привезли с собой эти расчудесные французы с крылышками. Маленькие ангелы.

После циркачей из Марселя на Дворцовой площади на сцене появляется настоящий джаз-банд: оранжевые пиджаки, саксофоны и зажигательные мелодии Глена Миллера, под которые я пускаюсь в пляс и увлекаю за собой Руслана. Он, однако, начинает стесняться и в конце концов ненавязчиво уводит меня с площади. Жаль... Когда еще выпадет чудесная возможность потанцевать на Дворцовой?

Веселые, довольные, как и вчера, мы выходим на абсолютно «прогулочный» сегодня Невский, украшенный флажками. Мы вновь так и эдак оцениваем его ширину и перспективу и сходимся в одном: чтобы понять всю красоту Невского проспекта, желательно переместиться по нему ровно посередине. Чем мы и занимаемся, пока есть такая замечательная возможность.

На Зеленом мосту становимся свидетелями забавной сценки. Изрядно подвыпивший мужчина с праздничными бутафорскими рогами на голове, аки викинг, зычным басом объясняет кому-то по сотовому: где он находится – непонятно, зато есть ориентиры – речка и мост, и под мостом катера гоняют всякие. Мы решаем, что по этим приметам в Питере «викинга» будут искать еще очень и очень долго...

По пути дальнейшего торжественного променада по Невскому проспекту мы натываемся еще на пару установленных «развлекательных» сцен, возле одной ненадолго задерживаемся и слушаем блюз в исполнении чернокожей певицы. Невский сегодня еще более бурлящий и демократичный, чем обычно...

Чтобы продлить приятный вечер, решаем заглянуть в «Парк культуры и чтения „Буквоед“», который обещает в этот день (и в эту ночь) скидку для своих покупателей. Расслабленно бродим по любимым залам, слегка отдыхая от шумного города и впечатлений, листаем книги, шуршим журналами, словом, наслаждаемся. В итоге я выбираю пару томиков любимой мною Агаты Кристи, получаю законную скидку, и мы пускаемся в белую питерскую ночь. Нас ждет метро, вкусный жульен на ужин и крепкий сон, для которого яркие эмоции и свежий воздух – лучше и не придумаешь.

Воскресенье начинается так же неоригинально, как и суббота: долгий сон, длинный обед и просмотр пары серий диснеевских «Утиных историй» (впадаем в детство, не иначе). За окном – хмуро и тоскливо, хочется забраться под одеяло и забыть, что сегодня продолжение Дня города и мероприятий в честь оного.

В итоге мы забываем дома такую важную деталь нашего гардероба в пасмурную погоду, как зонт. Дождь начинает накрапывать сразу же, как только мы выходим из метро на Невский проспект. Сегодня он не перекрыт для движения автомобилей, какая жалость! Направляемся на Дворцовую площадь, где должно происходить выступление цирковых студий Марселя, дубль два, под названием «Площадь ангелов».

На площади толпа народу, и циркачи, похоже, уже закругляются: с четырех сторон по тротуарам спускаются с верхушки вчерашней конструкции, выбрасывая в воздух конфетти. Вскоре над толпой появляется еще один комичный персонаж – гигантский белый надувной человечек. Подгоняемый умелой рукой какого-то сценического работника, он некоторое время колыхается рядом с клоунами. Белый человечек напоминает мне Зефирного из «Охотников за привидениями», и этот голливудский герой на фоне классического старинного здания Эрмитажа смотрится забавно, как пришелец из космоса.

Наконец клоуны спустились по тросам вниз, покинув опасную высоту, и вдруг на площади начинается светопреставление: под музыку с разных сторон одновременно вспыхивает нечто вроде фейерверков, причем в качестве огней выступают белоснежные перья. Перьев просто тонны, они заполняют всю площадь и порождают знакомое российское ощущение выпавшего в мае снега. Люди вокруг визжат в восторге, веселятся, подкидывают пригоршни «снега», зачерпывая их зонтами. «Фейерверки» следуют один за другим, перьев становится все больше, и Дворцовая площадь превращается в зимнюю сказку. Возникает восхитительная атмосфера праздника. Правда, когда фонтаны перьев наконец иссякают, зрелище становится смешным и даже плачевным из-за морозящего с неба дождя. Девушка рядом вздыхает: «Жаль, что дождь, а то мокрой птицей воняет...»

На этой торжественной ноте мы вслед за неровной шеренгой празднующих отправляемся на акваторию Невы – наблюдать гала-парад старинных кораблей. Мосты уже разведены, на Ростральных колоннах зажжен огонь. Места у каменного парапета давно заняты на несколько километров вдоль Невы. Кое-как мы втискиваемся между зонтиками, ища хотя бы небольшой просвет с видом на реку. Дождь между тем усиливается, и я периодически пытаюсь спрятаться под чужой зонтик, но получается неважно, поэтому снимаю с шеи шарф и повязываю на себя и Руслана.

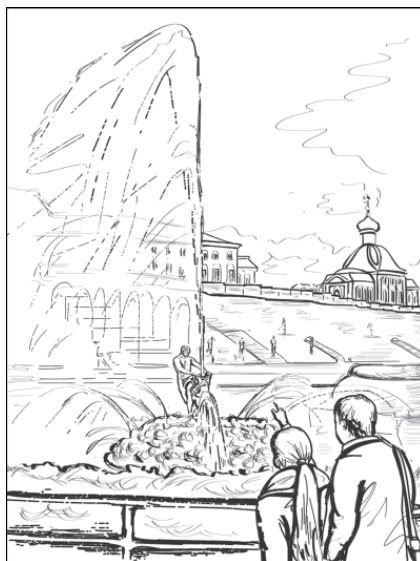
Комментарий Руслана

День Города – праздник особый. И проходит празднество тоже особому – скучать не придется точно. Вообще в городе очень много мероприятий open-air, поэтому лучше всего всегда носить с собой зонт – погода может меняться несколько раз в день.

В дефиле старинных кораблей принимают участие суда из стран Балтии, и большинство – из Финляндии. Кораблики очень интересные, словно пришедшие сюда из фильмов о прошлом веке: у многих огромные дымовые трубы, и они так замечательно гудят, проходя мимо нас, зрителей! Один из кораблей – точная копия пиратского – пару раз стреляет из пушки на потеху зрителям.

Вскоре последний корабль скрывается за Дворцовым мостом, и толпа вновь перемещается в сторону площади: здесь уже всюду идет «перьевая» уборка. Однако перья крохотными белыми пятнышками преследуют нас на Невском. Они встречаются на мостовых, в урнах, на плечах и в волосах прохожих. «Мокрые курицы» забавно шествуют по Невскому под непрекращающимся дождем... По пути мы забегаем в Дом книги, чтобы погреться и полистать что-нибудь интересное. Домой приходим поздно и, как обычно, в полном восторге от увиденного сегодня. Пожалуй, это входит в приятную привычку.

Июнь

Дама с собачкой

Петербург – город островов, и эта особенность завораживает. Остров в моем понимании – нечто интригующее, я убеждена в этом с детства. Взять хотя бы любимые детские книги – «Остров сокровищ» или «Таинственный остров»: кажется, что на участке суши, со всех сторон окруженном водой, всегда происходят интересные приключения и сплетается необычный сюжет. Поэтому, когда мы с Русланом планировали переезд в Питер, я с особым смаком и удовольствием рассматривала на карте Северной столицы острова – Каменный, Елагин, Крестовский. Я очень хотела их посетить. Мечтала и вдохновлялась. Предвкушала.

Острова, с одной стороны, не оправдали ожидания: ничего таинственного мы здесь не заметили. С другой стороны, они оказались прекрасными. И об этом подробнее.

Лето, июнь, Питер... Чем заняться двум работающим по будням горожанам в субботний жаркий вечер? Невский проспект как классический вариант времяпрепровождения сегодня не подходит: безжалостное солнце господствует в городе, загоняет жителей в тень и даже как будто насмехается на ясно-голубом небосклоне. Окружающие, впрочем, ведут себя странно: многие совсем не радуются долгожданному светилу, кукусятся, жалуются и мечтают о дожде. Странное существо – человек! Вечно он хочет того, чего в данный момент получить не в состоянии. Когда же желаемое получено, разве он радуется? Нет, он хочет противоположного! И так всегда... Мы, как типичные представители человечества, в общем, тоже в обиде на жару и ждем прохлады. А пока решаем найти ее где-нибудь в прохладном тенечке под деревом, и для этой цели идеально подходит Каменный остров по причине близости к нашему жилищу.

Вдыхая, выходим на залитую солнцем Торжковскую улицу и двигаемся в сторону метро. Здесь есть симпатичный розовый киоск с мороженым «Айсберри», куда уже успела выстроиться небольшая очередь. Мороженое сейчас – идеальный вкусный помощник в борьбе с тепловым ударом! Мне достается ананасовое, а Руслану – яблочно-грушевое. Пломбир под мороженым соком, а внутри – кусочки фруктов, ммм... Мы проходим в небольшой скверик за дачей княгини Салтыковой и там, под кустами сирени, наслаждаемся мороженым, вдыхая запах сирени.

До Каменного острова нам теперь рукой подать: всего лишь перейти по Ушаковскому мосту, любуясь на многочисленных уток, имеющих здесь, видимо, постоянный приют. Утки дерутся за крошки хлеба, которыми их снабжает стоящая на мосту парочка прохожих. Тут же окопался мужчина с удочкой и ведром – удит рыбу. Воды реки Большой Невки переливаются на солнце ослепительными бликами. По ее глади плывет катер, вспенивая воду. Красота!

Комментарий Руслана

Город расположен на нескольких островах, что придает особый колорит, однако и создает некоторые неудобства – скажем, ночью вы не всегда сможете добраться до дома (мосты разводят примерно с 2.00 до 4.30). И не каждый таксист согласится объезжать город по материковой части – им проще до Финляндии доехать...

На Каменном острове по нечетной стороне высится похожая с виду на католическую православная церковь Рождества Иоанна Предтечи (из красного кирпича, в готическом стиле). По четной же стороне расположен комплекс спортивной юношеской школы, возле которого установлены памятники трем российским олимпийским чемпионам. Чемпионы выглядят весьма брутально, причем скульптор в погоне за изображением совершенной физической формы уделил пристальное внимание и задним... хм... частям тела, довольно выдающимся и вполне соответствующим господствующим в Древней Греции канонам мужской красоты.

Полюбовавшись на «чемпионов», мы углубляемся в парк. Здесь есть все для приятного отдыха: скамейки, тропинки, дорожки, гигантские вековые деревья... А еще сирень, цветы и яблони. Свежесть, запах травы и благоухание сирени окутывают, словно шалью, даруя долгожданное отдохновение от жаркой погоды. Солнечные блики пробиваются сквозь кроны деревьев, играют на лице, и зайчиками попадают в глаза и нос, отчего хочется безудержно чихать.

Больше всего парк на Каменном острове напоминает усадьбу, какой можно было бы представить ее в мечтах. Здесь легко почувствовать себя «дамой с собачкой» или любой другой чеховской героиней (даже без «Вишневого сада»). Для полноты образа и игровых ощущений можно нацепить на себя широкополую шляпу, длинную юбку и одолжить у прогуливающегося поблизости собаковод мопса или еще какую-нибудь мелкую собачку.

Любителям архитектуры тоже есть чем «поживиться» здесь: по сути, Каменный остров – это музей загородных особняков конца XIX – начала XX века, выстроенных в разных стилях. Классицизм и модерн, готика и русский стиль... Особняки прячутся в тени исполинских деревьев возле небольших ручейков и полей и кажутся декорациями к сказкам: в зависимости от стиля особняка – русским народным или румынским легендам о вампирах.

Нам очень симпатичен особняк Фолленвейдера, или, как еще называют его в народе, «Сахарная голова» – белый дом с красной черепичной крышей и башней. Чтобы рассмотреть его поближе, нужно свернуть со 2-й Березовой аллеи (ах, какие милые названия улиц на Каменном острове!), перейти небольшой мост и выйти на Большую аллею, на которой особняк числится под несчастливым № 13. На первый взгляд, дом кажется обжитым: в нем словно обитает большое семейство какого-нибудь местного миллионера. Но на самом деле сейчас особняк временно пустует, а чуть ранее здесь располагалось консульство Дании.

Если вернуться немного назад по Большой аллее, можно полюбоваться дачей Гаусвальд, выстроенной в стиле модерн в конце XIX века. Прелестный дом – нежилой, так как из-за уничтоженных грибок деревянных частей предназначен под снос. Какая жалость! Здесь, помимо всего прочего, в конце 80-х снимался фильм «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона» (дом Ирэн Адлер). Дух изящества, вкуса и простоты, присущий этой героине, словно витает вокруг дома...

Через Боковую аллею мы переходим на Среднюю аллею и потом долго гуляем по дорожкам, тропинкам, восхищаемся запахами и цветами окружающего нас природного великолепия. Парк-лес большой, народу немного, кто-то играет в тарелочку, кто-то просто бегают или сидит на траве с едой и пивом. Мы решаем, что в следующий раз тоже прихватим чего-нибудь съестного и здесь, под запах сирени и травы, умнем, и это будет так вкусно...

Располагаемся на очередной скамейке, смотрим на теплое вечернее небо и кроны деревьев. Хорошо. Остановись, мгновение... замри... ты прекрасно.

Интерес к островам на Каменном, конечно же, не заканчивается, и через неделю, когда спадает жара, мы решаем отправиться на Елагин остров, причем пешком: судя по карте, вроде бы путь недалекий. Перед дорогой надо основательно подкрепиться, и потому покупаем в мясном магазине пирожки с мясом и брусникой – свежие, только что из печи. А еще заходим в «Север» на улице Савушкина, где берем арахисовое печенье и эклеры. Божественные эклеры, как обычно, нежно и любовно тают во рту, когда мы стоим прямо на ступенях кондитерской. Вредные привычки неискоренимы... Подкрепившись, мы направляемся дальше по улице Савушкина и вскоре выходим на длинный, широкий, просторный Приморский проспект, идущий вдоль реки Большой Невки. Двигаемся довольно долго: кажется, проспекту не будет ни конца, ни края. Наконец, слева через речку появляется Елагин остров, который мы идентифицируем по лодочкам, пришвартованным у берега, и густому красивому парку.

Проходим изящный мостик с плавающими под ним вездесущими утками, и мы на месте. Елагин остров, как и Каменный, по сути, огромный парк, спроектированный в английском стиле самим Карлом Росси. Неудивительно, что он поражает и восхищает: широкие аллеи,

речки, пруды, мостики, ухоженные деревья, художественные спуски и подъемы. Он более масштабный, чем уютный Каменный, но и более многолюдный. Здесь можно брать напрокат велосипеды, ролики, лодки и катера и наслаждаться не только пешими прогулками. Особенно романтичны катания на лодках, и здесь снова хочется прикинуться чеховской героиней: длинное платье, зонтик, легкая томность, бегущая река...

Прогуливаясь витиеватыми дорожками, выходим к одной из местных достопримечательностей – мини-зоопарку. Здесь расположен вольер с табличками, извещающими, что тут живет козочка заграничного происхождения и семейство северных оленей. Козу мы так и не находим, похоже, она спряталась или ушла в глубокое подполье, а олени на месте – олениха (с короткими рогами) и смешной неуклюжий олененок. На табличках строго указано, что кормить оленей булкой запрещено, от булки бедные животные болеют. Можно лишь капусту и морковь. А еще есть предложение придумать имя для олененка, записать на бумажке и опустить ее в специальный ящик. Ни капусты, ни бумажки с ручкой у нас с собой нет, так что мы еще некоторое время тарашимся на оленей, потом качаемся на установленных рядом детских качелях и вскоре идем дальше.

Комментарий Руслана

Прогуливаться по Елагину острову лучше в спортивной одежде – уж очень много соблазнов – и лодки, и велосипеды, и пляжный волейбол. Цены либо умеренные, либо ниже умеренных – то есть почти бесплатно.

Нас ждет еще одна достопримечательность острова – Елагин дворец, спроектированный также Карлом Росси. Великолепная картина открывается взору, когда мы видим большую лужайку и ослепительно белое здание в классическом стиле, контрастирующее по цвету с зеленью травы и голубишной неба. Рядом расположены дворцовые флигели, архитектурой и изяществом мало уступающие самому дворцу и выполненные в едином с ним классическом стиле.

На парадной лестнице два каменных льва, опирающихся на шары, стерегут вход во дворец. Эти львы – из многочисленных представителей семейства кошачьих, воплощенных в металле и камне и являющихся украшением Санкт-Петербурга. А еще вокруг такие милые изящные фонарики...

Вдоволь налюбовавшись дворцом, мы углубляемся в парк по левой стороне и выходим на набережную Средней Невки. Отсюда хорошо виден противоположный берег Крестовского острова. На набережной расположены песчаные пляжи, площадки для игры в волейбол и трибуны для болельщиков. Небольшая команда игроков бегают по песку, соревнуясь друг с другом. По воде неслышно скользят катера. Уютный, напоенный свежим, вкусным воздухом и красивыми видами вечер уже заканчивается, когда мы решаем перейти через мост, ведущий на Крестовский остров, чтобы сесть на метро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.